ИНФОРМАЦИОННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 2312-8321

ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ !"#$%

ТЕМА НОМЕРА

Древняя Ингушетия

ПАМЯТНИКИ ДЖЕЙРАХ-АССА | ИНТЕРВЬЮ С Ю.Б. ЕВКУРОВЫМ | ИНГУШСКИЕ АДАТЫ

АУИПИК
АГЕНТСТВО ПО УПРАВЛЕНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры»

Основной целью деятельности Агентства является сохранение, эффективное использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, находящихся в оперативном управлении Агентства.

КОНТАКТЫ
Юридический и фактический адрес:
125009, г. Москва, Дегтярный пер., д.8, стр.3
Телефон/факс: +7 (499) 705-20-00
E-mail: info@auipik.ru
Пресс-служба: press@auipik.ru
Сайт Агентства: http://auipik.ru/
Страница Агентства на Facebook: www.facebook.com/groups/AUIPIK/
Страница Агентства во ВКонтакте: vk.com/auipik

ISSN 2312-8321

Издание Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры» (ФГБУК АУИПИК)

Свидетельство о регистрации СМИ выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Эл № ФС77-56187 от 15 ноября 2013 г.

127006 г. Москва, Дегтярный пер., д.8, стр.3.
Тел./факс: (499) 705 20 00

www.auipik.ru
www.ohrangos.ru

Главный редактор
Андрей Новиков-Ланской

Шеф-редактор
Екатерина Кудашкина

Шеф-дизайнер
Дмитрий Макалкин

Дизайн, верстка
Урал Мухтаруллин

Иллюстрации
Мария Заикина

Ответственный секретарь
Екатерина Чечиль

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЕНКО Игорь Андреевич
Директор Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства

КОПЫЛОВА Елена Ивановна
Ректор Института искусства реставрации

КУДРЯВЦЕВ Александр Петрович
Вице-президент Российской академии архитектуры и строительных наук

МУЗЫЧУК Валентина Юрьевна
Зам. директора Института экономики РАН

РЫБАКОВ Сергей Евгеньевич
Член Совета Федерации Федерального Собрания РФ

САВОСТИНА Елена Анатольевна
Доктор искусствоведения, профессор

СОЛОВЬЕВА Наталья Федоровна
Зам. директора Института истории материальной культуры РАН

СТЕРЛИНА Вера Валерьевна
Генеральный директор НП «Русская усадьба»

ФИЛАТОВА Надежда Владимировна
Руководитель Центра всемирного наследия и международного сотрудничества, Российского научно-исследовательского институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, 1-й Голутвинский пер, д.3/5, стр. 3
Тел.: (495) 134 25 86

sprql.info

Охраняется государством

№4'2017

4 Колонка редактора

События

64 Руководитель ФГБУК «АУИПИК» Роман Рыбало посетил Санкт-Петербург
66 Международный культурный форум: «Сохранение культурного наследия» – 2017
70 Воскрешение Пальмиры

Северный Кавказ

6 Северный Кавказ: традиции в камне
14 Возрождение памяти

Интервью

20 «Сохранение архитектурных комплексов в республике выходит на новый уровень»
Интервью с Главой Республики Ингушетия Ю.Б. Евкуровым

Древняя Ингушетия

22 К открытию выставки «Джейрах-Асса: башенные комплексы средневековой Ингушетии»

24 Декоративно-прикладное искусство вайнахов
26 Горы, башни, время...
38 Особенности типологии башен горной Ингушетии
40 Памятники Джейрах-Асса: как сохранить?
46 Чудо ингушских башен
50 Сохранить Ингушский адат – сохранить душу народа
76 Особенности строительства башен

Мнение

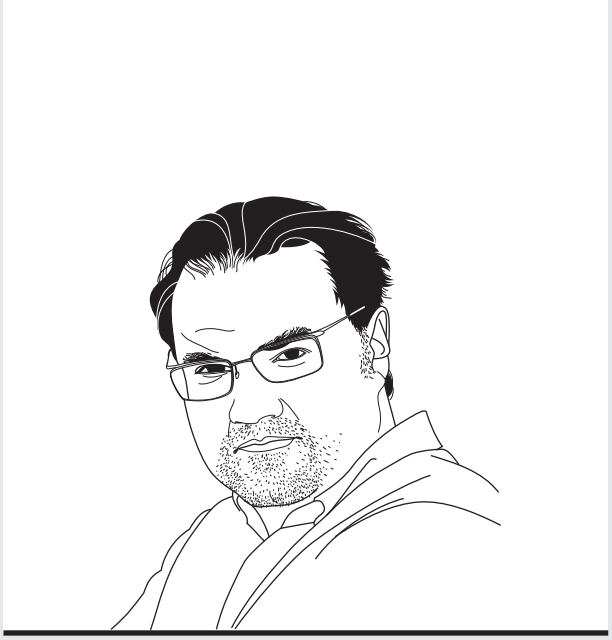
18 *Владимир Плигин.* Культура спасает
56 *Евгений Попов.* Главный трубадур Родины

Стратегии

58 Туризм и памятники: две стороны одной медали
66 «Сохранением наследия должны заниматься творческие люди»
По материалам коллегии Министерства культуры РФ
74 Реформа давно назрела
80 Промышленное наследие Москвы: стратегии ревитализации

Summary

86



Возвышенность и надежность

Андрей Новиков-Ланской

Многим нынешнее лето могло показаться холодным и неприветливым – но только не тем, кто так или иначе связан с сохранением культурного наследия. Для нас оно было весьма жарким и благотворным.

В прошедшем июле состоялось заседание коллегии Министерства культуры РФ, целиком посвященное реформированию реставрационной отрасли. О насущности реформы в сфере охраны памятников говорили давно, к этому заседанию многие специалисты готовились больше года, ведь от его решений зависит судьба целой отрасли, профессиональная жизнь многих тысяч людей. И вот решения приняты – важнейшие, стратегические. За сухими официальными формулировками скрывается амбициозный проект, одновременно и романтически возвышенный, и надежно просчитанный.

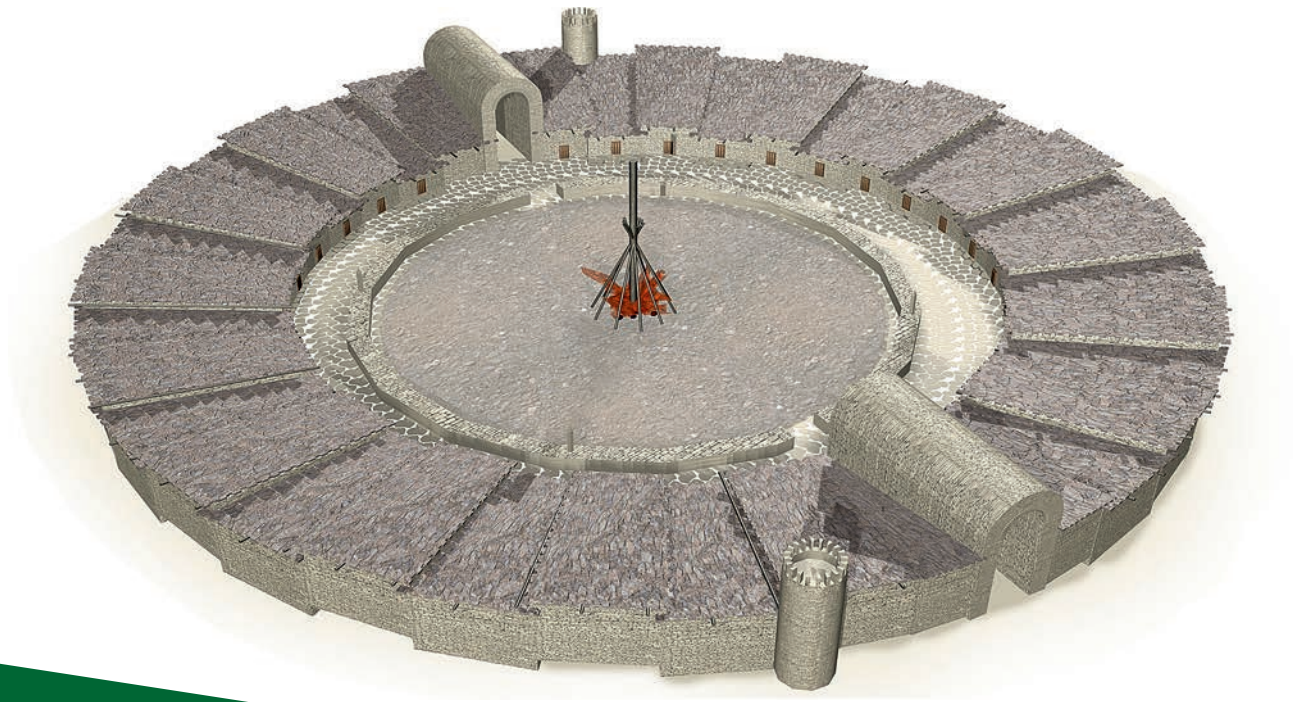
Мне показалось наиболее важным, что его инициаторы предлагают принципиально новое для России, хотя давно принятое в Европе представление о культурном наследии не как о дополнительном бремени, требующем постоянных дотаций и субсидий и имеющем в лучшем случае абстрактную символическую ценность, а как о мощном экономическом и социальном ресурсе, как о площадке научных прорывов и технологических инноваций, как о генераторе новых реальных активов, смыслов и коммуникаций, двигателе национального и территориального развития. В этом номере можно найти более подробное изложение сути предлагаемой реформы. Я лишь отмечу, что предполагается внесение в законодательство изменений, снимающих многие административные барьеры, разработка новой комплексной системы подготовки и аттестации кадров, создание государственного образовательного стандарта для высшей школы, запуск популяризаторских медийных проектов, в том числе телевизионных передач, поддержка научно-технических программ, включая ввод в эксплуатацию мобильных лабораторий.

Цель реформы – сделать объекты культурного наследия интересными для инвесторов

Важно выстроить такую экономическую модель сохранения наследия, чтобы оно стало привлекательным объектом инвестирования, чтобы частный бизнес почувствовал не только социальный и репутационный, но и чисто финансовый интерес к исторической недвижимости. Это отнюдь не прекраснодушные мечтания: в ведущих европейских странах с богатым историко-культурным наследием подобный подход успешно практикуется не одно десятилетие. Наглядным примером здесь может выступить британская некоммерческая организация National Trust – в одном из ближайших номеров мы подробно расскажем о ней. Не получая ни пенса из госбюджета, эта структура эффективно управляет сотнями замков, парков и других объектов, в ее проектах участвует несколько миллионов англичан, а годовой оборот исчисляется сотнями миллионов фунтов. Поскольку организация некоммерческая, весь доход идет на реставрацию памятников и развитие исторических территорий.

В основе успешных инициатив британцев, как и многих других европейцев, лежит принцип популяризации, просвещения в сфере наследия. Никакие государственные или корпоративные финансовые субсидии не спасут все многообразие отечественного наследия, если необходимость сохранять его не будет восприниматься гражданами страны как важное личное дело. Есть люди, которым не надо ничего разъяснять и рассказывать, в них естественным образом присутствует чувство тяготения к материальному прошлому, без соприкосновения с ним они чувствуют себя не вполне полноценно. Но многим людям такая чувствительность несвойственна, и это тот случай, когда ценность памятников для их собственной жизни можно и нужно объяснять – не назидательно, конечно, а увлекательно. Особенно если это касается этнической и территориальной идентичности.

В связи с этим особенно приятно видеть, какая серьезная работа проводится в отдельных регионах российского Кавказа, в частности – в Республике Ингушетия. К теме кавказского материального и нематериального наследия наш журнал обращался неоднократно и будет делать это впредь. Нынешний же выпуск в значительной степени посвящен именно ингушскому историческому наследию – одному из самых древних на пространстве России. Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры совместно с правительством Ингушетии и Государственным музеем архитектуры имени А.В. Щусева подготовили выставку, посвященную средневековым башенным комплексам Ингушетии. Редакция журнала искренне признательна руководству республики, и в первую очередь Главе Ингушетии Юнус-Беку Евкурову, за внимание к нашим публикациям. Мы благодарим сотрудников музея за подготовленные к выставке материалы. В конечном счете никакая реформа невозможна без живого энтузиазма конкретных людей, и этот красивый выставочный проект – яркий пример такого энтузиазма. Надежного и возвышенного – как ингушские башни.



Северный Кавказ: традиции в камне

Вероника Пищулина,
доктор архитектуры, профессор, главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института теории и истории
архитектуры и градостроительства

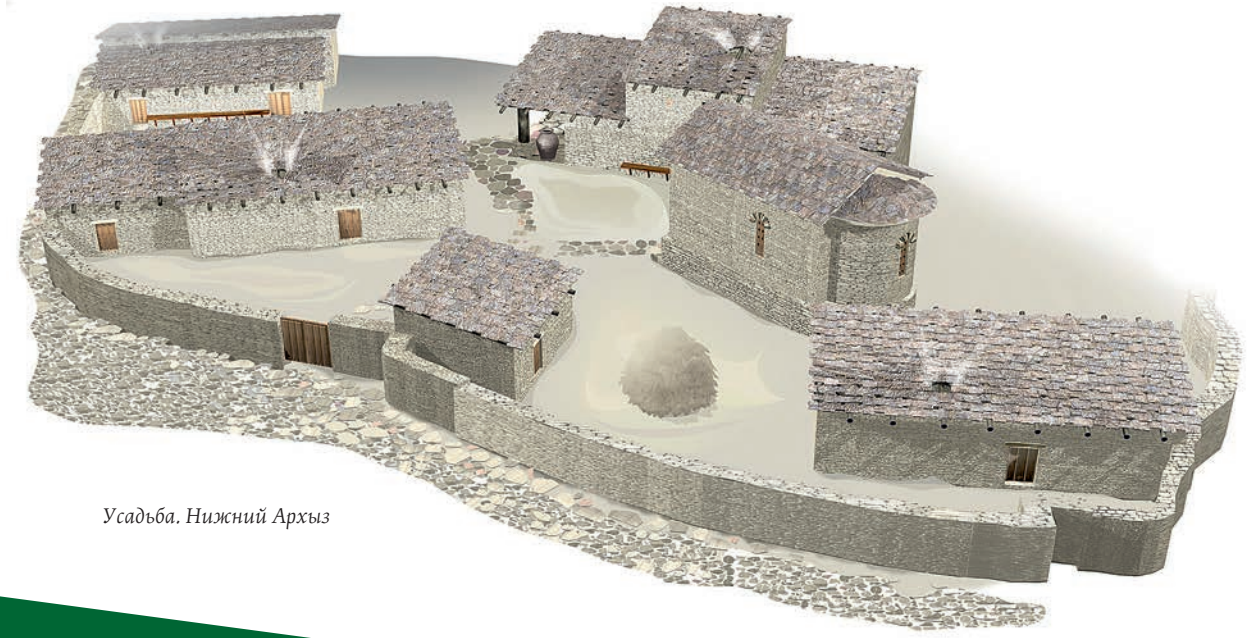
Изучение процессов становления и развития архитектурных культур Северного Кавказа способствует определению места каждого из своеобразных вариантов зодчества в современных общекультурных процессах и созданию атмосферы толерантности культур в Северо-Кавказском регионе.

Северный Кавказ – один из немногих регионов мира, где сохранилась система архитектурно-природных комплексов в ландшафте, не подвергавшемся антропогенному воздействию. Большинство объектов зодчества, особенно периода Средневековья, являются неотъемлемой частью пейзажа горных районов Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Осетии, Ингушетии, Чечни. Трудно понять своеобразие архитектурной культуры вне синхронного ей природного контекста, изучая только отдельные памятники по источникам и графическим материалам. Актуальность исследования обусловлена необходимостью научной разработки проблем, связанных с изучением исторических истоков своеобразия и взаимодействия региональных архитектурных культур Российской Федерации.

Кроме того, актуальность таких исследований связана с необходимостью реставрации и приспособления памятников архитектуры, созданием рекреационно-туристических территорий, определения этапов и точек привлечения инвестиций и создания рабочих мест для населения региона. Возросшую актуальность имеют вопросы, связанные с проблемой отношения к наследию, разработкой методологии сохранения и достоверной реставрации объектов архитектуры региона, выработкой научных критериев при составлении свода памятников архитектуры юга России.

Основой формирования особенностей конфессиональных культур в данном регионе была традиция. Своеобразие традиционной культуры определяется общностью основных ее составляющих для многочисленных этнических групп населения Северного Кавказа, касающихся основ языческого мировоззрения и связанных с ними поведенческих норм. В традиционной культуре народов Северного Кавказа имели место как базовые истоки и идеалы, способствующие формированию самобытности конфессиональной культуры, так и универсалии, повлиявшие на адекватное восприятие христианства или ислама. К первым относятся: патронимическая структура общества, характер природопользования, поклонение силам природы и сопутствующее ему преобладание натуралистического язычества. Ко вторым – иерархическая структура пантеона богов во главе с главным богом-демиургом, представление о трехчастности мироздания и нравственные ценности.

Тхаба-Ерды. Ингушетия, XIII в.



Усадьба. Нижний Архыз

Привнесение конфессиональной культуры только в виде миссионерской деятельности способствовало мягкой адаптации ее в культуре традиционной, в результате чего ряд мифологических истоков мировоззрения сохранялся, в то же время возникали инновационные тенденции и формировались регионально-этнические варианты конфессионального зодчества.

Идеологической основой формирования регионально-этнических особенностей архитектуры являлись различные варианты религиозных контаминаций мировоззрения народов Северного Кавказа. Причинами формирования религиозных контаминаций были:

- *удаленность от конфессиональных центров,*
- *деятельность миссионеров разных конфессий,*
- *сохранение родовых структур,*
- *сложная политическая обстановка,*
- *процессы этногенеза.*

Следствием религиозных контаминаций стало появление региональных вариантов «народного» христианства, «народного» ислама, осложненных традиционной обрядностью, получавших отражение в особенностях архитектуры церквей: ландшафтном размещении, пространственной организации, внешних архитектурных формах, конструкциях, пластике декора.

Характер освоения пространства и традиционное природопользование стали одной из составляющих общности традиционной культуры всех народов Северного Кавказа, поэтому региональные особенности архитектуры Северного Кавказа в целом наиболее ярко проявились в местоположении сакральных объектов в структуре поселения, их взаимосвязи с ландшафтом и природным окружением. На протяжении всего периода с VIII по XVIII век на Северном Кавказе происходило взаимовлияние базовых основ традиционной пространственной культуры, предполагающей неразрывное соединение с природой, и привнесенных приемов иных «высоких» культур, имевших преимущественно городское развитие. Натуралистическое язычество, поклонение силам природы как неотъемлемый элемент традиционной культуры народов Северного Кавказа сохраняло сильные позиции на протяжении всего средневекового периода, вплоть до Нового времени.

В период Средневековья с VIII по XVIII век каждая из формировавшихся конфессиональных культур подвергалась давлению со стороны конфессиональных центров с целью унификации их в единую культуру того или иного направления. Тем не менее можно сделать вывод о самобытности архитектуры Центральной, Восточной, Западной Алании, Зихии, Дидо (Серир), Хазарии, Нахче, Двалетии, Дигории, Тьмутаракани. Регионально-этнические варианты архитектуры претерпевали в ходе совместного существования на данной территории изменения, приобретая некоторые общие признаки. Однако все они сохранили свою культурную идентичность благодаря устойчивости исходных традиционных идеалов. С образцами архитектуры на Северный Кавказ привносилась новая, христианская картина мира. При этом прежняя система миропонимания не отвергалась, а переосмысливалась с помощью конфессионального учения.

На протяжении всего рассмотренного периода на Северном Кавказе происходил интересный процесс создания своих версий архитектурных культур путем конкретизации конфессиональных догматов в соответствии с реальными условиями жизни, особенностями мышления и последующим введением традиционной обрядности в обрядность конфессиональную. Особенно это касается христианской архитектуры.

Универсалии конфессиональной культуры проникали на данную территорию как результат стремления местных заказчиков сохранить и повторить внутреннее пространство образца, привносимого из конфессионального центра.

Нижний Джулат. Храм. XIV в.

Храм и жилище воспринимались как внутренний мир. Главным было огражденное стенами пространство, и именно его форма имела первостепенное значение.

Угасание традиции копирования образца означало поиски нового языка самоидентификации средствами архитектуры в изменившейся культуре, базирующейся на актуализации языческих основ мировоззрения. Происходили отдельные формальные заимствования особенностей образца: мистическое восприятие его меры, приобретшей к тому времени сакральное значение; подражание отдельным составляющим пространственной организации (членение на части арками); повторение деталей в ином масштабе и на других местах (престолы, ниши, скамьи). Объективно имел место процесс расчленения образца на составные части, а затем синтез нескольких изобразительных черт с трансформацией и добавлением элементов иных культур.

В XIII-XIV веках имело место иное понимание меры построения сакрального пространства. В домостроительном зодчестве сложилась своеобразная традиция применения эквивалентных размеров, однажды установленных эталонов для различных элементов здания, формирования в каждой общине своих сакральных мерных инструментов. Эта традиция способствовала сакрализации меры ранее построенных сакральных объектов.

В каждый из рассматриваемых периодов строители решали актуальные проблемы конструктивно-тектонического воплощения здания и его символико-сакральной образности (стена – свод – опоры – завершения). Поиски новой образности в каждый исторический период способствовали выработке новых конструктивных приемов на базе как традиционной, так и привнесенной строительной техники. При этом нехватка строительных кадров и связанная с нею необходимость создания межнациональных строительных бригад с привлечением местных мастеров способствовала преобладанию традиционных тектонических приемов.

Предметы архитектурного декора (капители, плиты для пола, алтарные преграды, престолы, карнизы, резные плиты для украшения стен, кресты, стелы), скульптура и настенная живопись, предметно-материальная культура – являлись на Северном Кавказе элементами, наглядно отражающими традиционную культуру.

Содержательные основы мировоззрения, имеющие единые для всех культур Северного Кавказа глубинные исторические корни, сохраняли свою неизменность на протяжении веков. Это придавало общность всему разнохарактерному зодчеству Северного Кавказа в таких аспектах, как территориально-ландшафтное расположение объектов в контексте природного окружения и декоративно-конструктивные элементы. С другой стороны, все варианты средневекового зодчества Северного Кавказа объединяют универсалии двух важнейших конфессиональных культур – христианства и ислама, получившие смысловое наполнение общезначимых идеалов, и укоренившиеся настолько прочно, что опосредованно сохраняли свои позиции до конца XVIII века.

Особенности и своеобразие архитектуры Северного Кавказа позволяют высказать некоторые соображения, касающиеся сохранения этой уникальной составляющей историко-культурного наследия региона. Несмотря на то что в настоящее время большая часть населения Северного Кавказа исповедует ислам, все объекты христианской архитектуры почитаются местными жителями как святыни традиционной культуры. Наряду с архитектурными объектами в большинстве регионов сохранилось почитание обожествленных объектов природы – священных лесов, рощ, гор, ущелий.

Таким образом, консервация существующей по сей день системы архитектурно-природных культовых комплексов является актуальной задачей как с точки зрения сохранения памятников и создания средств защиты горных экосистем от негативного антропогенного воздействия, так и с точки зрения духовного единения народов Северного Кавказа.

Народное домостроительное творчество и его результаты – традиционная архитектура – являются предметом исследования не только истории архитектуры, но и таких областей знания, как этнография, этнология, культурология, историческая антропология и социология. Современные направления гуманитарной науки рассматривают народное домостроительное творчество как своеобразное моделирование архетипических пластов национального сознания как пространственное выражение норм и ценностей традиционной культуры.

Одно из направлений сохранения объектов народного зодчества – музеефикация и создание историко-культурных музеев-заповедников, музеев под открытым небом на основе сохранившей исторической части населенных мест и научно-обоснованного дополнения их выполненными в натуральных размерах и материале макетами. Этот метод приемлем для народного зодчества Дона, Кубани, Адыгеи, Карачая, Черкесии, Ингушетии, Чечни.

Северный храм. Нижний Архыз

Второе направление – создание историко-культурных музеев-заповедников из части сохранившейся застройки аулов, селений, хуторов, являющихся комплексными памятниками народного зодчества. Могут быть музеефицированы части населенных мест.

Критериями отбора архитектурно-археологических памятников для музеефикации должны выступать: историческая значимость; сохранность; информативность; доступность; современное значение.

Мировоззренческие установки традиционной горской культуры получили пространственное выражение, закрепление и развитие в эффективной и экологичной системе природопользования и взаимосвязанной с ней системе нагорного типа расселения.

Систему поселений – объектов искусственного происхождения – уравновешивала система священных мест – объектов естественного природного и искусственного происхождения. Наряду с архитектурными объектами в большинстве регионов сохранилось почитание обожествленных объектов природы – священных лесов, рощ, гор, ущелий. Воссоздание священных

мест может стать своеобразным экологическим каркасом территории Северного Кавказа.

Домостроительство этого периода – это, если можно так выразиться, мифологическая архитектура; это одновременно и реальное, и воображаемое пространство «космоса». Домостроительное творчество мифологической эпохи не знает утилитарности в его современном понимании. Практическая потребность людей осуществлялась мифологично в слитных образах реальных и вымышленных потребностей. Архитектурное пространство мифа тождественно мифологическим образам; это их реальная модель, конструкция которой не имеет причинно-следственной логики. Мифотворчество антикаузально по своей сути. Народное домостроительное творчество и его результаты – народная архитектура – были не только отражением мифологии, но и активным средством развития самого мифологического мышления.

Мифологические образы домостроительного творчества – это образы-структуры пространства «космоса». Образы домостроительного творчества слиты с его образцами-моделями – конкретными сооружениями жилища родовой эпохи и ритуальными строительными обрядами по их возведению. Процесс строительства жилища выступает как процесс мифологического проигрывания жизни, олицетворяющей мифотворческий круговорот космического порядка. Пространство космоса и пространство жизни сходятся в пространстве жилища и многократно воспроизводятся при мифотворческом сооружении жилища и его эксплуатации.

Символизация пространства в домостроительном творчестве горцев – это в основном отражение норм поведения и этикета традиционной культуры народов Северного Кавказа. Нормы этикета и поведения горцев отличаются устойчивостью, консерватизмом и мифологической архетипичностью. Архитектуру жилища горцев образно можно сравнить с театром, где разыгрываются нормы – сценарии поведения и этикета повседневной и праздничной жизни.

Содержательные основы мировоззрения, имеющие единые для всех культур Северного Кавказа

Сакральный христианский комплекс.
Фараскат, Северная Осетия, XV в.

глубинные исторические корни, сохраняли свою неизменность на протяжении веков. Это придавало общность всему разнохарактерному зодчеству Северного Кавказа в таких аспектах, как территориально-ландшафтное расположение объектов в контексте природного окружения и декоративно-конструктивные элементы.

Многообразие архитектурного наследия Северо-Кавказского региона является следствием существования в исторической ретроспективе на территории этого региона различных культур, пространственной моделью которых являлась архитектура. Это многообразие сформировалось благодаря геополитической роли региона в культурном диалоге Европы и Азии. На территории Северного Кавказа остались архитектурные следы пространственного освоения ландшафта пранародами Кавказа и Великой Степи, здесь сменяли, а порой и соседствовали друг с другом архитектурные культуры Востока и Запада, в той или иной степени получили архитектурное выражение все мировые религии: христианство, буддизм, иудаизм, ислам; своеобразные архитектурные версии в городах региона получили классицизм, эклектика, модерн, конструктивизм.

Таким образом, консервация существующей по сей день системы архитектурно-природных жилых и культовых комплексов становится актуальной задачей как с точки зрения сохранения памятников и создания средств защиты горных экосистем от негативного антропогенного воздействия, так и с точки зрения духовного единения народов Северного Кавказа.

Возрождение памяти

Юрий Пиотровский,
заместитель заведующего отделом археологии Восточной Европы и Сибири, хранитель коллекции Кавказа Государственного Эрмитажа

«Кавказ по разнообразию и привлекательности своей природы представляет редкое сочетание и богатство природных красот: Кавказские горы, их величественные снежные хребты властвуют над всем Кавказом и представляют чудную картину, навсегда неизгладимую из памяти», – писал в 1914 году известный путешественник Григорий Москвич.

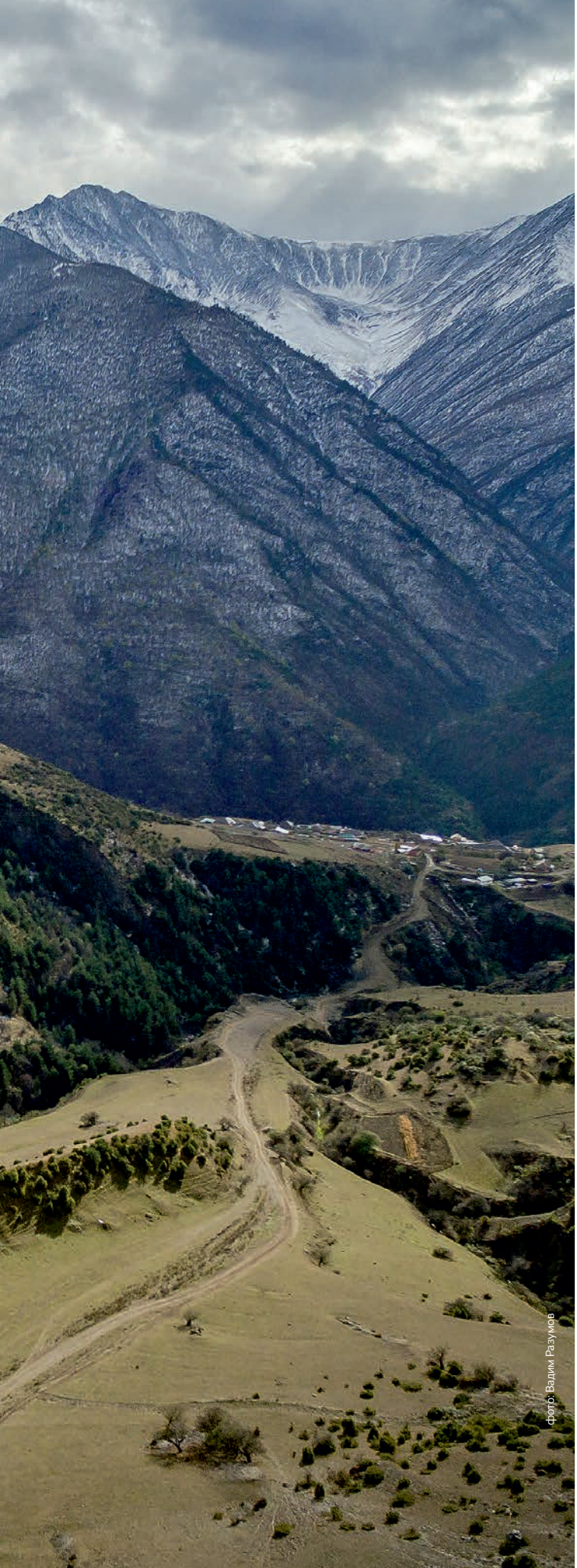


фото: Вадим Разумов

История человека на Кавказе охватывает около двух миллионов лет! Начиная с предистории здесь жили люди, строили дома, занимались хозяйством. Эта территория на протяжении многих веков являлась мостом между Древним Востоком и Европой. Современные народы, проживающие на территории Кавказа, являются наследниками культур народов Древности и должны этим гордиться! Развитие русского кавказоведения диктовалось практической необходимостью, обусловленной российской экспансией на Кавказе, но с другой стороны, уже с 20-х годов XIX века в русском обществе отмечается широкий общественный интерес к Кавказу, интерес, который не был лишен некоторого романтизма, столь характерного для умонастроений европейского общества начала позапрошлого века.

Кавказ представлялся сказочной, удивительной страной, полной тайн и загадок.

Почти полувековая Кавказская война сформировала общественное мнение в России: часть общества привыкла смотреть на горцев как на врагов, фанатиков, не понимающих благ мирной жизни под сенью великой державы; другая – восхищалась самоотверженной борьбой горцев за свободу.

К началу XX века сформировалось представление о Кавказе как о едином историко-культурном регионе. «Совершенно было очевидно, что при всей разноплеменности и разноязычности Кавказа, при всей сложности этнической истории региона, включавшей массовые передвижения народов, процессы ассимиляции, интеграции, этнокультурного взаимодействия, народы Кавказа сохраняли близость, порой удивительную тождественность основных элементов бытовой культуры, что отражало глубокую генетическую общность и естественную конвергентность этнокультурного развития», – отмечали ученые. И сегодня каждый народ хочет иметь свою Историю, которую он стремился сохранить, несмотря на все перипетии событий, происходивших на прекрасных склонах гор. Как он стремится сохранить и памятники культуры, ещё существующие вопреки всему!

Сегодня память о прошлом, культурная память – наиболее актуальные вопросы, которые разрабатываются исследователями. «Легенды о возникновении длительности, о победах или бедствиях проецируют настоящее на прошлое, а прошлое, в свою очередь, на настоящее. Они ставят нас в один ряд с предками, чьи добродетели мы разделяем и чьи пороки скрываем. Однако такое сообщество – ещё не собственно история, как ее понимают историки. Это наследие, – пишет американский историк и географ Дэвид Лоуэнталь. – История исследует и объясняет прошлое, которое все более покрывается дымкой по прошествии времени.

фото: Вадим Разумов

Наследие упрощает и проясняет прошлое, привнося в него современные цели и намерения. Наследие относится к прошлому как к достоянию века нынешнего. Увиденное глазами истории прошлое – чужая страна, но если мы смотрим на него как на наследие, оно вполне знакомо и привычно».

Человек проигрывает сражение со Временем. Считается, что «40 лет – рубеж эпох в коллективном воспоминании; срок, по истечении которого живое воспоминание оказывается под угрозой исчезновения и насущной проблемой становится формы культурной памяти о прошлом», отмечает немецкий историк Ян Ассман. «Важную роль в культурной памяти играет «предметная память». Человек с древнейших времен окружен предметами – начиная от самой обыкновенной и привычной утвари, как кровать, стул, посуда для еды и умывания, одежда, инструменты и вплоть до домов, деревень... и вкладывает в них свои представления о целесообразности, удобстве и красоте, то есть в определенном смысле – себя», – считает Ассман. Обряды относятся к сфере культурной памяти, поскольку представляют собой форму передачи и воскрешения культурного смысла. То же самое можно сказать и о вещах, когда они отсылают не только к определенной цели, но и к определенному смыслу: памятники, надгробия, храмы, идолы и прочее выходят за рамки предметной памяти...

Так же укоренено воспоминание и в обитаемом пространстве. К пространству относится и принадлежащий ему вещный мир. Этот вещный мир – утварь, обстановка, помещения, их специфический порядок, создающие у нас впечатление постоянства

и устойчивости – определен социально. И наконец, любая сплачивающаяся группа стремится создать и обеспечить за собой места, которые являются для нее не только сценой совместной деятельности, но и символами ее идентичности, а также опорными пунктами воспоминания – «местами памяти».

Искусство запоминания работает с воображаемым пространством, помнящая культура – с расстановкой знаков в естественном пространстве. Даже целые местности, и прежде всего они, могут служить средствами культурной памяти. Если помнящая культура – это прежде всего, обращение к прошлому, а прошлое возникает там, где осознается различие между вчера и сегодня, то смерть есть первичный опыт такого различия, а память об умерших – первичная форма культурного воспоминания. Память об умерших «коммуникативна», поскольку свойственна всем людям, и в то же время «культурна», поскольку вырабатывает специальные обряды и институции.

Одним из самых удивительных явлений культуры и политики 1990-х годов стал разворот от современности будущего, такого модного и популярного в первой половине XX века, к современности прошлого. Вопросы этого нового явления рассматривает другой немецкий ученый, историк и культуролог Алейда Ассман. Вот основные идеи ее исследования. Начиная 1980-х и 1990-х годов все больше внимания привлекали к себе культурные ценности, которые отвергались или упускались из виду теорией модернизации: привязанности человека к определенной религии, нации, истории, семье, национальному ландшафту или историческому облику родного города. Это имело отношение к прошлому.

Как заметил в 2008 году федеральный президент Германии Хорст Келер, без предыстории нет будущего. Осознание собственной истории является существенным элементом идентичности. Келер говорил о прошлом, имея в виду заново создаваемый ресурс имеющихся и обсуждаемых возможностей идентификационного и осознанного выбора места в истории. Прошлое – хотим мы этого или нет – формирует нас, а вот наследие можно принять, отвергнуть, переосмыслить, освоить так или совсем иначе. «Для теории памяти прошлое не умирает. Оно возвращается в настоящее сознанием вины и упущения; из этого похожего на ртуть вещества состоят идентичность и смыслы. Так или иначе, прошлое не становится успокоительным средством, оно требует усилий и несет в себе причину споров и разногласий вокруг памяти и забвения. Прошлое служит объектом притязаний и требований, содержанием признаний и обвинений, предметом присвоения и отторжения», – пишет Алейда Ассман. Эти идеи применимы ко всем народам.

Прошлое – хотим мы этого или нет – формирует нас, а вот наследие можно принять, отвергнуть, переосмыслить, освоить так или совсем иначе

Сейчас на территории Республики Ингушетия начал осуществляться проект по созданию историко-культурного ландшафта «Джейрах-Асса». Ингуши, как и другие народы Кавказа, хотят изучать свою историю, хотят сохранить исторические памятники, которые ещё можно сохранить.

Передо мной путеводитель по Кавказу, составленный в начале XX века Григорием Москвичом. «К востоку от Джераховского укрепления видна замечательно привлекательная широкая долина реки Армхи, по которой разбросаны селения ингушей. На 11-й версте, дорога вступает в Джераховское ущелье, которое чем дальше, тем все более суживается. С 12-й версты на обрывистых скалах, вдоль пути, начинают встречаться полуразрушенные сторожевые башни прежних времен».

В феврале 1944 года ингуши в числе других народов СССР были выселены в Среднюю Азию. Изгнание продолжалось 13 лет. Потом было возвращение... Приступая к работам по этому проекту, мы сделали первые шаги. Если нам всем удастся хоть немного продвинуться в нашем благородном проекте, то это станет нашей маленькой победой и началом пути возрождения памяти для многих народов Кавказа.

Культура спасает

Владимир Плигин

Сегодня, в наш рациональный век, нередко приходится отвечать на вопрос, какую роль играет культурное наследие в консолидации общества, в развитии диалога и, наконец, в государственном строительстве. Так вот: переоценить значение культуры невозможно.

В рамках вопросов, которыми мы занимаемся, а это вопросы политического и государственного строительства, постоянно все эксперты и специалисты в качестве важнейшего обстоятельства, которое лежит в основе выстраивания этих институтов, включают институты культуры.

Культура и религия образуют и такое явление, как мораль, а мораль перетекает в нормы права. В свою очередь, нормы права в известной степени формируют государство.

Кстати, все термины, которые используются в Конституции, как, например, «демократическое», «федеративное», «правовое» государство, в конечном счете замыкаются на культуру. Более того, в рамках компонентов правового государства важнейшим является наличие развитого правового сознания. А если говорим о развитом правовом сознании, то и оно точно так же формируется в зависимости от того, присутствует ли в сознании культурный пласт.

Естественно, что в условиях эпохи прагматизма и рационализма, когда многие явления определяются тем, насколько прибыльной или неприбыльной является та или иная экономическая деятельность, вещи, которые для материалистического сознания являются вещами отстраненными, идеалистическими, уходят иногда на второй план. И мы заметили, что, когда эти идеалистические вещи уходят на второй план, они ведут к доминированию многих вещей материального характера, причем таких, которые иногда приводят к трагедии.

Один пример: я думаю, не вызывает сомнений, что фильмы и кинематография какое-то время назад играли потрясающую роль, да, наверное, играют и сейчас. И вот, когда разрушился культурный пласт, который предполагал наличие кинотеатров в малых и средних городах, высвобождение времени на некультурное времяпрепровождение привело к деградации значительных групп населения. И потому сегодня проблема возвращения культуры имеет огромное материальное наполнение.

Мне было приятно узнать, что в последнее время, и об этом говорил министр культуры, увеличилась посещаемость театров. Я обратил внимание на то, что люди начинают ходить в различные театры и сравнивать постановки одних и те же пьес. Значит, вновь возвращается интерес к театру, вновь возвращается это заполнение свободного времени. И это радует.

Мы должны понимать, что объем свободного времени человека уже сейчас вырос даже по сравнению с тем, что было накануне XXI века. И этот объем свободного времени будет расти очень быстрыми темпами, за счет того, что с развитием современных технологий количество людей, занятых в производственных процессах, снижается. И когда человеку приходится думать, чем наполнить свободное время, возникает своего рода водораздел между девиантным поведением – а это люмпенизация, наркотизация, все, что связано с криминалом, – или, наоборот, появлением плоскости духовного развития человека.

В этом плане мне исключительно приятно видеть, как развивается ситуация в Республике Ингушетия, которую в течение определенного времени возглавляет Юнус-Бек Евкуров. Какое-то время назад уровень трагедии там был бесконечен. Причем казалось, что этот уровень трагедии остановить нельзя, он нарастал. Были и покушения, и необходимость строительства дополнительных заборов вокруг нормальной жизни, территорий, где живут люди. И во время встреч с этими людьми было очень важно подобрать первое слово: говорить общие фразы тем, кто только что рано утром вышел из очередного боя, было просто невозможно.

И то, каким образом мирная спокойная жизнь проникла и охватывает все большие и большие пространства и в рамках этого расширяющегося пространства предметом обсуждения становятся несколько другие явления, по сравнению с теми, которые были ранее, производит чрезвычайно сильное впечатление.

Если говорить о культуре, мне было исключительно приятно наблюдать, каким образом народные ансамбли Ингушетии были представлены в культурной повестке России. Я навсегда запомнил один эпизод. Ансамбль танца Ингушетии выступал на сцене Большого Кремлевского дворца. Артисты вложили в это выступление всю свою огромную энергию. Энергия эта была настолько безудержна, что один из молодых солистов, исполняя невероятный прыжок, упал со сцены. Это было нечто потрясающее...

Этот ансамбль с огромным успехом выступал в Европе – в Германии, Франции; в СНГ – в Казахстане и более чем в 30 субъектах Российской Федерации.

Надо понимать, что именно культура противостоит экстремистским проявлениям и фундаменталистским течениям, искажающим, в частности, идеи ислама. Ислам – это мирная религия, которая конструирует жизнь миллиардов человек. Именно мягкое, понятное, точное взаимодействие религии и собственно культуры может стать средством, обнажающим неправду экстремизма. Это очень важно, и в республике это происходит.

На все вышесказанное наслаиваются впечатления о фантастической красоте природы, о таланте людей. И в результате создается позитивная картина. Дай Бог, чтобы в Республике Ингушетия сумели сохранить эту тенденцию. Если им это удастся, все негативное уйдет в историю и мы получим возможность ещё глубже узнавать красоту и республики, и ее народа.

Глава Республики Ингушетия Ю. Б. Евкуров: **«Сохранение архитектурных комплексов в республике выходит на новый уровень»**

– Юнус-Бек Баматгиреевич, в этом году отмечается 25 лет образования Республики Ингушетия. Но при этом все знают, что история самого ингушского народа уходит корнями в глубокую древность. В последнее время широко обсуждаются вопросы сохранения культурного наследия. Что это означает для Ингушетии? На какие объекты культурного наследия следует обратить внимание в первую очередь?

– Как нам известно, руководство страны уделяет особое внимание культурному наследию как важному потенциалу духовного и социально-экономического развития России.

Такая позиция является весьма актуальной для Ингушетии как края, щедро одаренного памятниками истории и культуры.

Поэтому государственными органами республики намечен курс на использование в приоритетном порядке всех имеющихся возможностей и полномочий для сохранения и популяризации объектов культурного наследия.

Культурное наследие Ингушетии имеет свою специфику. Основная доля культурного наследия республики приходится на башенно-замковые

комплексы горной Ингушетии. Все представители ингушского народа неразрывно связаны с этими комплексами, так как их прадеды проживали в этих каменных городах. Каждый ингушский тейп имеет свой родовой башенный комплекс.

На территории горной Ингушетии сосредоточены тысячи разнотипных и разномерных памятников истории, археологии и архитектуры. Особый интерес вызывают боевые башни горной Ингушетии. Здесь можно наблюдать знаменитые боевые башни, в том числе со ступенчато-пирамидальным завершением, жилые и оборонительные сооружения: жилые, полубоевые башни, замковые комплексы, погребальные склепы, святилища и христианские храмы. Эти памятники представляют большую научную и историческую ценность.

– В чем вы видите особую важность сохранения культурного наследия для Республики Ингушетия?

– Сохранение и популяризация архитектурных комплексов является одним из важных факторов для духовно-нравственного и патриотического воспитания подрастающего поколения. Как местная молодежь, так и гости республики, рассказывая о своих впечатлениях после поездок в горную Ингушетию, передают свои незабываемые впечатления, высказывают гордость за людей, которые жили в суровых горных условиях и достигли такого высокого уровня мастерства в возведении сложных и одновременно долговечных конструкций башенных комплексов.

При этом культурное наследие Ингушетии имеет не только историко-культурное значение, но и является важным фактором социально-экономического развития республики посредством туризма. К числу самых важных ожидаемых результатов развития туристической отрасли в республике относятся обеспечение населения новыми рабочими местами, увеличение налоговых поступлений в консолидированный бюджет республики. В Ингушетии можно наблюдать огромное количество замковых башенных комплексов, каждый из которых представляет собой уникальную ценность для развития туристической отрасли. Обеспечение сохранности этих памятников в интересах нынешнего и последующих поколений является важнейшей задачей государства.

– Как выстраивается работа по сохранению наследия – материального и нематериального? Что уже сделано и что предстоит сделать в этом направлении?

– Сохранение культурного наследия начинается с государственного учета. Только в 2016 году на территории республики выявлено 1762 памятника истории и культуры. Это значит, что они поставлены на государственную охрану.

В республике с 2015 года функционирует Межведомственная комиссия по координации работы по пресечению, предупреждению и профилактике нарушений законодательства об объектах культурного наследия на территории Республики Ингушетия под председательством Главы Республики Ингушетия.

Создание комиссии на таком уровне также принесло свои плоды. В первую очередь это проведение работ по кадастровому учету башенных комплексов и земельных участков под ними, а также по соблюдению правового режима на территории объектов культурного наследия.

Деятельность по сохранению архитектурных комплексов в республике в последние годы выходит на новый уровень. Этому способствует недавно созданный Ученый совет при Главе Республики Ингушетия по историко-культурному ландшафту «Джейрах-Асса». По итогам заседаний Ученого совета сформированы основные принципы сохранения культурного наследия горной Ингушетии. В первую очередь – это выбор консервации как основного метода сохранения, а также приоритет научных и архивных исследований до проведения производственных работ на архитектурных комплексах.

Инициатива проведения работ по сохранению родовых башенно-замковых комплексов Ингушетии часто исходит от представителей тейпов, которые за свой счет обеспечивают данные работы. Такая инициатива приветствуется, и в этих случаях Управление культурного наследия Правительства РИ оказывает всю необходимую методическую и консультативную поддержку в данном направлении.

В этом году в рамках ФЦП «Культура России (2012–2018 годы)» планируются научно-исследовательские работы, связанные с разработкой научно-проектной документации по сохранению объекта федерального значения храм Тхаба-Ерды. Здесь будут применены рекомендации Ученого совета при Главе Республики Ингушетия по историко-культурному ландшафту «Джейрах-Асса», а это значит, что основной задачей станет сохранение историко-культурной ценности объекта.

В горной Ингушетии находится свыше 2000 учтенных памятников истории и культуры. И подавляющее число из этого количества требует работ по их сохранению и предотвращению дальнейшего разрушения. Здесь мы рассчитываем совместно с Минкультуры России определить программные мероприятия по консервации памятников, поскольку данные объекты находятся в федеральной собственности.

К открытию выставки «Джейрах-Асса: башенные комплексы средневековой Ингушетии»

Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В. Щусева совместно с Агентством по управлению и использованию памятников истории и культуры (ФГБУК «АУИПИК») представляют экспозицию, посвященную башенным комплексам средневековой Ингушетии.

фото: Тимур Агиров

Экспозиция, которая будет открыта с 25 августа по 19 октября, приурочена к 25-летнему юбилею Республики Ингушетия и рассказывает об уникальном историко-культурном комплексе «Джейрах-Асса», претендующем на включение в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

На выставке будут представлены экспонаты из музеев Ингушетии и Москвы: макеты башенных комплексов, их архивные и современные изображения, медиаматериалы. Они расскажут об особенностях природного и культурного ландшафта Джейрахской долины, ее истории, современном состоянии и перспективах развития.

Ландшафт и культура горной Ингушетии на протяжении многих веков составляют предмет особой гордости Республики. Джейрахская долина, в которой находится Джейрахско-Ассинский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, является важным центром древней культуры вайнахов – этнической общности Северного Кавказа, включавшей в себя народы Чечни и Ингушетии, бывшие ранее единым целым.

Древнейший культурный очаг Кавказского региона был заселен уже в эпоху бронзы (2 тыс. до н.э.). В этой местности, подвергавшейся многочисленным набегам, тем не менее, сохранились уникальные архитектурные памятники. Наиболее известные из них находятся в долинах рек Ассы, Армхи и Тетрицкали, где, помимо башен, можно увидеть склеповые могильники и несколько раннехристианских храмов. Всего же в заповеднике насчитывается около 200 объектов.

Разбросанные по склонам гор, в низменностях рек, на хребтах невысоких холмов, башенные комплексы несли оборонительную функцию. Обычное поселение состояло из жилых, боевых, полубоевых башен и погребального комплекса, органично вписанных в окружающий пейзаж. В таких поселениях, отличающихся друг от друга внешними особенностями, на протяжении многих веков жили представители различных тейпов – родовых общин вайнахов. Эти поселения можно считать своеобразным типом расселения людей в условиях горной местности.

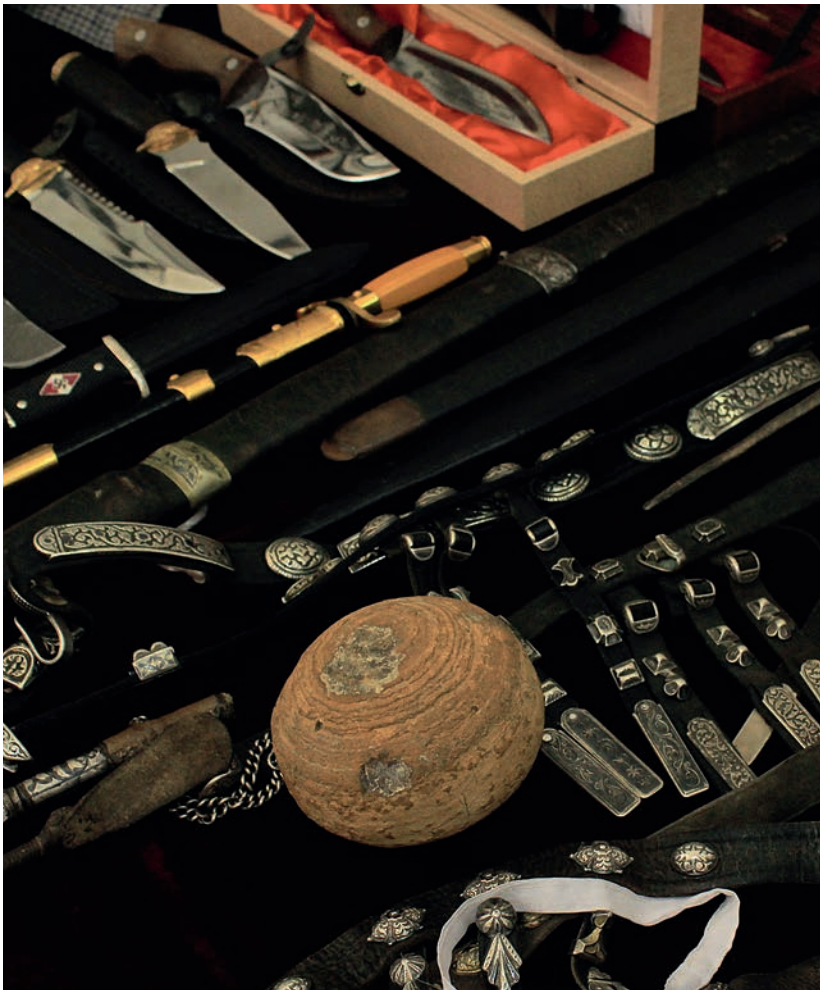
История возведения башен относит нас к Средним векам. Исследователи по сей день придерживаются разных точек зрения на возраст башенных комплексов: некоторые датируют их домонгольским периодом (XI-XII века), другие связывают их строительство с периодом татаро-монгольского завоевания в XIII-XIV столетиях. Сооружение ингушских башен имеет множество особенностей и требует соблюдения определенных традиций, последовательности действий – начиная с поиска места под застройку и ритуальных жертвоприношений на определенных стадиях строительства, до народных приемов возведения пирамидальной ярусной кровли и установки верхнего камня.

Управление культурного наследия Правительства Республики Ингушетия в сотрудничестве с Минкультуры России работают сегодня над тем, чтобы включить башенные комплексы горной Ингушетии в список особо ценных объектов культурного наследия народов России. Это даст возможность вписать их в мировой контекст. Одновременно с этим весь культурный ландшафт заповедника претендует на включение в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, что позволило бы не только популяризировать эти малоизвестные памятники, но и решить важнейшие задачи их сохранности и защиты.

Работа над решением всех перечисленных задач ведется при непосредственном участии Агентства по управлению и использованию памятников истории и культуры (ФГБУК «АУИПИК»). В оперативном управлении ФГБУК «АУИПИК» находятся различные объекты культурного наследия по всей России. Агентство активно занимается вопросами их сохранения, реставрации и использования с обязательным учетом их исторического предназначения.

Декоративно-прикладное искусство вайнахов

Текст: Ольга Корчагина
Фото любезно предоставлены Комитетом Республики Ингушетия по туризму



Представление о жизни, культуре и быте древних вайнахов можно получить благодаря археологическим находкам разных эпох. Прежде всего речь идет о посуде, керамике, предметах бытового назначения – о том, что исследователи называют декоративно-прикладным искусством. Первые артефакты относятся к II тыс. до н.э. и представляют собой предметы культуры и быта: монеты, обломки керамической посуды, оружие и многое другое.

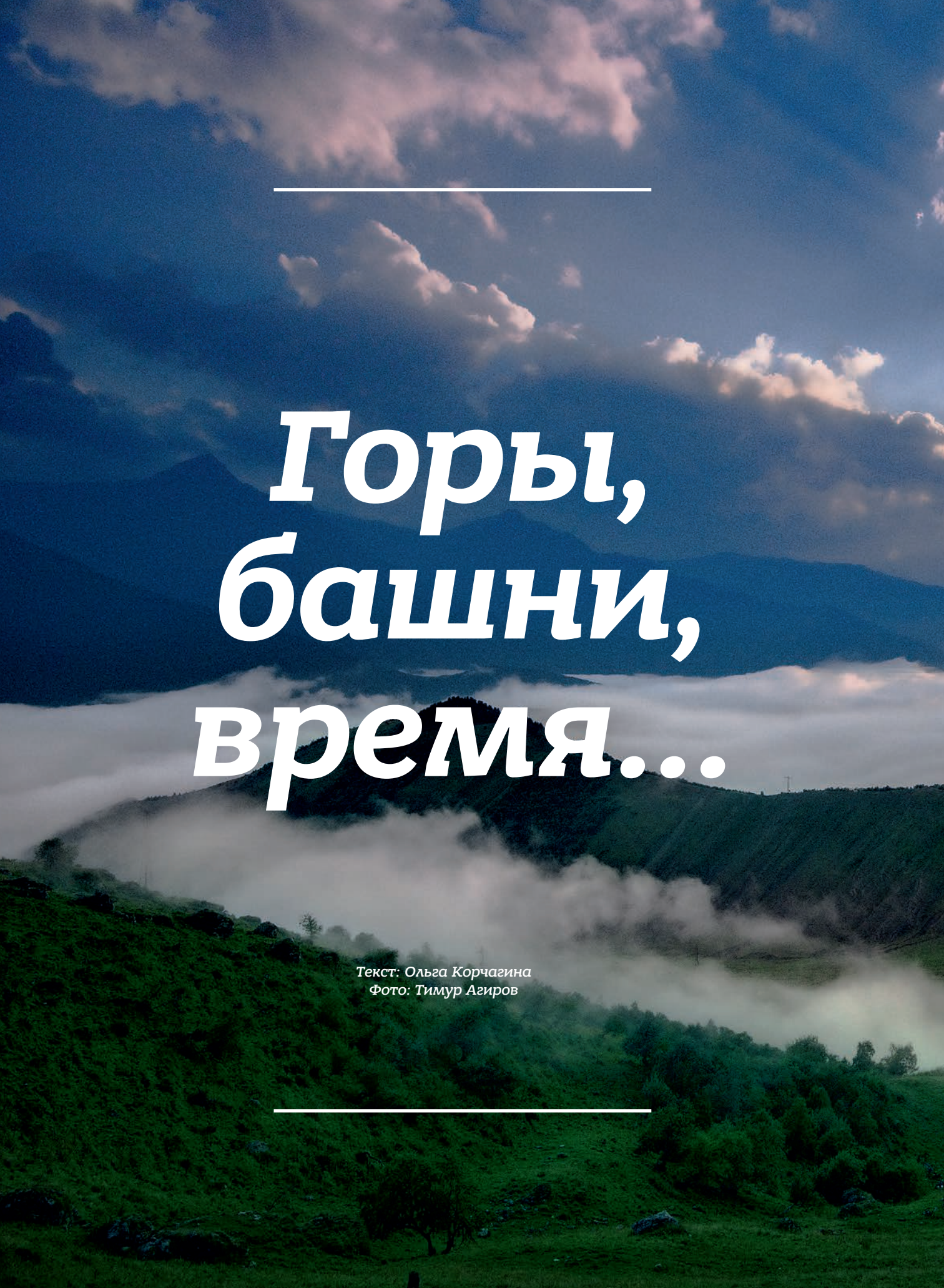
Посуда из металла и керамики хранилась в нишах башенных стен. Другие стены закрывались войлочными коврами, которые создавали уют и тепло. Камин отапливал помещения и являлся центральным местом в жилище, вокруг которого собиралась семья.

Другая часть археологических находок относится к элементам одежды. Горцы носили одежду из грубого холста и сукна собственной выделки. В зажиточных семьях носили платья из шелка или пестрых бумажных тканей. Женские платья были многосоставными – с нижними юбками и верхними плотными накидками. Их шили в талию, фиксировали пуговицами в виде бронзовых бубенчиков и ремнями из металла, украшенными сканью и драгоценными камнями. Подол и рукава одежды обшивали шелковой и бумажной тесьмой, составляющей национальный орнамент.

Мужчины подпоясывали одежду кушаком или ремнем с бронзовой или железной пряжкой, к нему прицепляли кресало для высекания огня, кинжал или нож, вложенный в деревянные ножны.

Обувь состояла из ичигов (тонкие кожаные сапоги), чувяк (кожаные открытые туфли) и ноговиц (тканевые чулки до колена).

Местные ювелиры изготавливали изделия высокого художественного уровня. Ингушские височные подвески отличаются наличием объемных деталей в сочетании с легкой орнаментальной насечкой. Это придает украшению особую скульптурную выразительность. Горские изделия не имеют позолоты. Сочетанием чеканки, гравировки и филиграни мастера достигали большой декоративности, многоцветности металла, его мерцания.



Горы, башни, время...

Текст: Ольга Корчагина
Фото: Тимур Агиров

Эрзи

Комплекс в Эрзи располагается на покатой горной террасе возле ответвления реки Армхи. Состоит из 22 жилых башен, расположенных в центре поселения, и девяти боевых, которые окружают его по периметру. Одна из башен стоит у входа в селение внизу, символически приветствуя гостей.

Боевые башни Эрзи узнаваемы издалека благодаря своим пропорциям. Квадратные в основании, они сильно сужаются кверху, достигая в высоту 18–20 м. Такое соотношение делает их изящными и вытянутыми ввысь.

Башни сложены из речных валунов и тесаных блоков. В их основе лежат более крупные валуны, а отдельные фрагменты стен скреплены плоскими плитами. При строительстве комплекса использовался раствор, который очень аккуратно подогнан в щели между камнями. Крупные промежутки заполнены мелкой галькой.

Фалхан

Поселение Фалхан расположено на пологой вершине холма, со всех сторон обдуваемой ветрами. Вероятно, это послужило причиной тяжелого состояния комплекса, нуждающегося в срочных ремонтно-реставрационных работах.

Комплекс состоит из жилых, полубоевых и боевых башен, расположенных группами. Почти каждая жилая башня сопровождается боевой. В ряде построек сохранились центральные каменные опорные столбы, на которых держались балки перекрытий, а также видны выступы стен, которые фиксировали их с другой стороны. В целом по сохранившимся башням селения Фалхан можно во многом восстановить образ архитектуры древних вайнахов.

Архитектура склепов Фалхана изучается с особым вниманием. В девяти склепах сохранились элементы для крепления факелов снаружи и поминальных флагов внутри.

Вовнушки

Ущелье Тхоба-Содж в месте выхода к реке Гулойхи имеет две скалы по сторонам от прохода – своеобразные природные пропилеи. С одной стороны на скале располагаются боевые башни Вовнушек, а с другой – жилые башни Хаар-Ари. По легенде, в древности между этими башнями был натянут веревочный мост, благодаря которому соседние поселения могли сообщаться друг с другом.

Башенный комплекс Вовнушки можно назвать визитной карточкой региона. Его расположение на склоне и вершине скалы возле входа в ущелье, несомненно, продиктовано оборонительными соображениями.

Жилые башни Вовнушек, ныне почти разрушенные, хорошо обозреваются сверху. Они надежно защищены боевыми башнями, занимающими самую вершину скалы. Боевые, в свою очередь, достигают 18 м в высоту и обладают более массивными пропорциями, чем в других комплексах (Таргим, Эрзи и др.). Их стены достигают полуметра в ширину. Камни снаружи отполированы мастерами, ветрами и временем; их гладкая поверхность не давала возможности врагам взобраться на башню.

В комплекс Вовнушек входят также захоронения различного типа, находящиеся неподалеку от башен. Они представляют собой как типичные склеповые постройки, так и двухэтажные здания с двускатной кровлей, больше похожие на храм.

Таргим

На правом склоне реки Ассы располагается комплекс Таргим, имеющий в своем составе 16 жилых башен, четыре полубоевых и четыре боевых башни, святилища, а также более двух десятков захоронений разного типа (склепы, мавзолеи).

Комплексы датируются временем со II тыс. до н.э., что определяется по циклопической кладке, присутствующей в ряде сохранившихся построек. Остальные башни относятся к периоду Средневековья.

В настоящее время над комплексом полуразрушенных башен возвышаются четыре боевых башни, перемежающиеся с жилыми и полубоевыми. Через устье небольшой горной реки располагается комплекс склепов и святилищ. На другой стороне Ассы расположен храм, перекликающийся по своей структуре с храмом Тхаба-Ерды.

Цори

Комплекс башен в Цори располагается на пологом, узком склоне холма. Вдоль его хребта одна за другой стоят жилые и боевые башни – в общей сложности более 20 построек.

Во время Кавказской войны (1817-1864 годы) войска генерала Розена вели ожесточенные военные действия против восставшего народа – галгаевцев. В результате обстрела комплекса в 1832 году не осталось ни одной полноценной башни. На сегодняшний день самая высокая башня Цори, изначально имевшая в высоту 18 м, сегодня возвышается только на девять.

Несмотря на серьезные утраты, комплекс пользуется популярностью у туристов и дает много материала для исследователей.

Эгикал

Эгикал располагается на пологом склоне холма возле реки Тетрицкали. Его положение визуально напоминает Таргим, однако по своим размерам и степени важности для исследователей Эгикал неизмеримо выше. Комплекс состоит из 50 жилых, пяти боевых, шести полубоевых башен, мавзолея, святилища и более сотни склеповых могильников.

Раскопки у селения Эгикал выявили большое количество артефактов, датируемых IX-XIII веками. К ним относятся черепки глиняной посуды, фрагменты бронзовых украшений с меандровым узором и многое другое, что по сей день имеет для исследователей большую ценность.

Отдельный интерес представляют склепы, которые хорошо сохранились на территории Эгикала. Необходимо отметить их большое количество и разнообразие внешнего декора. Древнейшие склепы относятся ко II тыс. до н.э. и хранят в себе как элементы внутренних перекрытий (каменные опоры, полки, на которых клали умерших), так и фрагменты предметов из погребений – отдельные камни, сосуды и многое другое. Склепы сложены насухо, без использования раствора. Со стороны холмов в них ведут небольшие лазы – по устоявшейся местной традиции. Фасад украшен природным и геометрическим орнаментом, выполненным с помощью особой кладки.

Храм Тхаба-Ерды

Территории горной Ингушетии часто оказывались в зоне культурного влияния близлежащей Грузии. Так, по одной из версий, храм Тхаба-Ерды был построен грузинскими мастерами.

Название храма переводят как «святой двух тысяч» или «двадцать сот святых». В этой интерпретации название храма не согласуется с христианскими традициями наименования церквей. Однако есть другой перевод: «храм лика Божьего», что ближе к устоявшейся традиции.

Здание представляет собой одноапсидную постройку со скрытой в ее объемах алтарной частью. Помещение храма разделено тремя высокими остроконечными арками на четыре части. Пол здания был выстлан плитами небольших размеров. После недавней реставрации храм приобрел двускатную кровлю. К этому же типу можно отнести храм у селения Таргим, представляющий собой небольшую церковь зального типа с внутренней апсидой и небольшим притвором.

Храм Тхаба-Ерды щедро украшен резным декором в виде карнизов, бордюров и других деталей, выполненных по мягкому известняковому конгломерату. Орнамент – стилизованные листья ивы и клена, перевитые сложной плетенкой, – характерен для многих памятников грузинской архитектуры VIII-IX веков.

АУИПИК
АГЕНТСТВО ПО УПРАВЛЕНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ АУИПИК

«Международный опыт технического регулирования и стандартизации в области сохранения культурного наследия»

12 сентября в Международном мультимедийном пресс-центре МИА "Россия сегодня" в Москве состоится научно-практическая конференция «Международный опыт технического регулирования и стандартизации в области сохранения культурного наследия».

Ведущие российские специалисты в области реставрации объектов истории и культуры совместно с представителями ведущих европейских стран (Италии, Германии и Голландии) обсудят проблемы российских нормативно-правовых и нормативно-технических регламентов в сфере сохранения культурного наследия, обменяются опытом и практическими наработками.

«Новейшие научные разработки, методы и технологии в области сохранения культурного наследия»

С 15 по 16 ноября в Дворце Бобринских в Санкт-Петербург состоится научно-практическая конференция: «Новейшие научные разработки, методы и технологии в области сохранения культурного наследия».

Ведущие российские и европейские специалисты в области реставрации объектов истории и культуры обсудят вопросы по разработке и внедрению методов и новейших технологий в области реставрации и сохранения объектов культурного и исторического наследия.

Модератором конференции выступит научный сотрудник немецкого Института искусств во Флоренции г-жа Федерика Росси.

В ЧИСЛЕ СПИКЕРОВ:

Рыжков Олег Владимирович
заместитель министра культуры РФ

Паскаль Льево
Руководитель департамента управления исследованиями и научной политики Генеральной дирекции наследия Министерства культуры и коммуникации Франции

Ян Борм
вице-президент по международным отношениям университета Версаль-Сен-Кантен-ан-Ивелин, (Франция)

Сирро Сергей Владимирович
заведующий отделом реставрации музейных ценностей, Государственный Русский музей

Парфенов Вадим Александрович
кандидат технических наук, доцент, методы лазерной очистки памятников истории и культуры, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет, Кафедра квантовой электроники и оптико-электронных приборов (КЭОП)

Ивашов Сергей Михайлович
профессор, к.т.н., научный руководитель, Лаборатория дистанционного зондирования МГТУ им. Баумана

КОНТАКТЫ
Юридический и фактический адрес:
125009, г. Москва, Дегтярный пер., д.8, стр.3
Телефон/факс: +7 (499) 705-20-00
E-mail: info@auipik.ru
Пресс-служба: press@auipik.ru
Сайт Агентства: http://auipik.ru/
Страница Агентства на Facebook: www.facebook.com/groups/AUIPIK/
Страница Агентства во ВКонтакте: vk.com/auipik

Особенности строительства башен

Текст: Ирина Корчагина
Фото: Евгений Колбовский

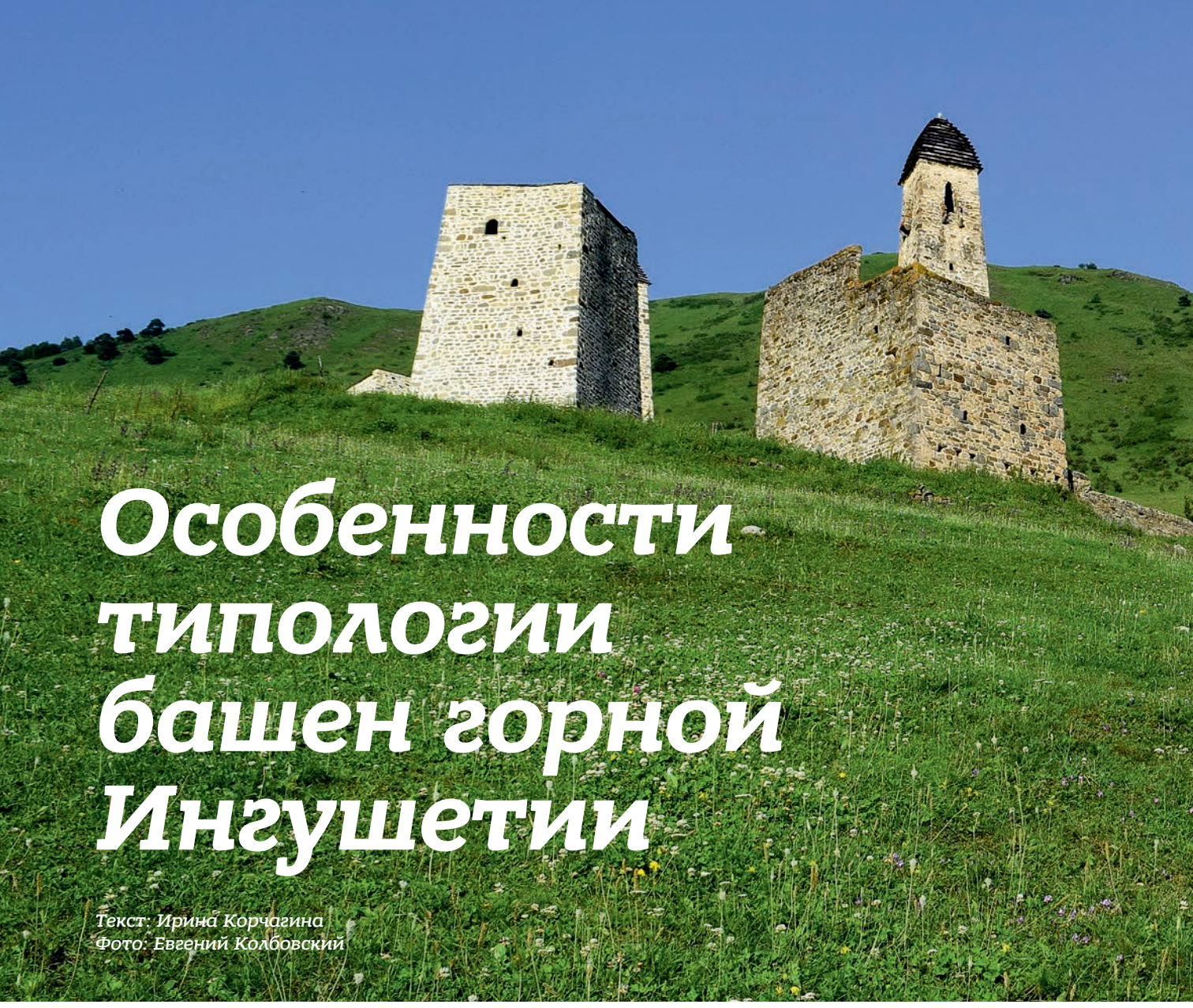
Башенные комплексы представляют собой отдельные селения с жилыми, боевыми и полубоевыми башнями, а также с поминальными комплексами (Эрзи, Таргим, Эгикал, Вовнушки, Фалхан, Цори и др.). В этих селениях проживали семьи в нескольких поколениях, и только в XX веке они были вынуждены переселяться в близлежащие города.

Обычно ингушские башни не имеют фундамента, а поставлены на прочную скальную основу. У строителей существовал обычай: место, подобранное под башню, поливали молоком. Если оно не просачивалось в землю, участок считался надежным и начинались работы. Несмотря на частые землетрясения, башенные постройки стоят и по сей день. Во-первых, этому способствовал выбор места: лепестки скальных платформ и сланцев выполняли роль гасителей ударной силы. Во-вторых, это было обусловлено особенностями кладки.

В основание башни всегда укладывали самый крупный камень. Угловые камни хорошо скрепляли между собой стены. Сама кладка никогда не была регулярной. Бутовый камень и речной булыжник – разные по размерам и форме – тщательно подгонялись друг к другу, причем зазоры обычно заполнялись не раствором, а только более тонкими пластами породы. Благодаря использованию природных материалов жилые башни практически сливаются с окружающим пейзажем, не отличаясь по цвету от скал.

Следующая важная особенность возведения башен – отсутствие наружных лесов: строительство велось изнутри со специальных настилов, и только создавая пирамидальную кровлю, мастер работал снаружи. По традиции, закончив работу, он требовал «спускную» плату и затем у входа в башню оставлял «автограф» – отпечаток своей ладони на невысохшем растворе.

Строительство башни было тесно связано с представлениями о могуществе рода. Принадлежность к тейпу имела для ингушей большое значение: только тот человек пользовался уважением, который мог назвать свою семью. При этом сооружение боевой башни мог позволить себе только сильный и богатый тейп. Это было связано с тем, что строительство башни было важно завершить за год – в противном случае обычай требовал прекращения работ. Одновременно наличие башни было своеобразным показателем древности и силы тейпа. Строительство башни и склепа было делом чести для всей семьи, и весь тейп участвовал в этой работе. Ингуши так и говорили: «Человеку при жизни нужна башня, после смерти – склеп».



Особенности типологии башен горной Ингушетии

Текст: Ирина Корчагина
Фото: Евгений Колбовский

Природные особенности являлись важнейшими характеристиками при выборе места строительства поселений: учитывались близость к рекам (Асса, Армхи, Тетрцикали и др.) и горным источникам, рельеф ущелья, защищенность от врагов, наличие близлежащих пастбищ, сила и направление ветра и многое другое.

Существует два основных типа башен – жилые и боевые, хотя довольно часто встречаются т.н. «полубоевые» башни, сочетающие в себе особенности обоих видов.

Жилые башни – «гала» – самые древние. Это прямоугольные в плане приземистые здания, для большей устойчивости немного суживающиеся кверху. Интересно, что наклон создавался не за счет нависания стен над внутренним пространством здания, а лишь постепенным уменьшением их толщины.

Обычные жилые башни строились в два-три этажа высотой до 12 метров. В центре башни устанавливался опорный четырехгранный каменный столб, на выступах которого на разной высоте покоились деревянные балки перекрытий с настилом из крупных пластин сланца и хвороста. Попасть на верхние этажи можно было только по приставной балке со ступенеобразными зарубками, что требовало определенной ловкости. Дверные и оконные проемы обычно завершались полукруглыми арками, иногда украшенными петроглифами или орнаментальной резьбой.

Первый этаж служил хлевом и имел другие хозяйственные помещения; в верхних этажах жили хозяева башни.

В каменных башнях прохлада сохранялась даже в летний зной. А зимой для отопления использовали камины, около которых размещались деревянные резные скамьи. Отапливались помещения по-черному.

Кровля жилых башен была плоской, что было удобно для ведения хозяйства.

Суровые условия горной местности – высокие скалы и долины с быстрыми реками – испокон веков диктуют условия человеку. Однако, со временем вайнахи выработали определенную систему башенного расселения, которая позволяла решить сразу несколько насущных задач: проживания в горах, обороны от врагов и ведения хозяйства.

Жилые башни оправдывали свое мирное название и не предназначались для того, чтобы выдерживать осады и отражать нападения. Однако иногда приходилось приспосабливать существующие постройки под требования ситуации, в результате чего появился отдельный тип «полубоевых башен». По высоте они превышали жилые башни и могли иметь до четырех этажей. Перекрытия в полубоевых башнях поддерживались лишь выступами стен и крепились в специальных нишах без центрального столба. Для обороны в них делали машикули, позволяющие стрелять, сбрасывать камни или лить кипяток на осаждающих, и бойницы для ведения стрельбы из лука.

Боевые башни «воу», предназначавшиеся для лучного и каменного боя, были еще выше (до 30 м) и насчитывали четыре или пять этажей. Располагались они обычно по периметру поселения или в стратегически важных для обороны местах. В отличие от жилых и полубоевых башен, боевые были квадратными в плане. Сочетание формы основания, угла сужения, который достигал 11 градусов, и высоты башни, придавало ей наиболее изящные пропорции. Именно они делают боевые башни узнаваемыми по сей день. Формы кровли боевых башен крайне разнообразны – пирамидально-ступенчатые, четырехскатные или плоские.

Одной из особенностей этих боевых строений является их симметрия: все элементы – проемы, машикули и амбразуры бойниц – членят их стены строго по центральной оси.

Боевые башни всегда строили лучшие местные мастера, так как на них возлагалась большая ответственность за безопасность поселения. При возможности, боевые башни возводили ближе к источникам воды, создавали в них небольшие колодцы или строили подземные ходы, позволявшие добираться до воды даже в условиях осады.

«...И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы –
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!»

М.Ю. Лермонтов. «Демон»

Памятники Джейрах-Асса: как сохранить?

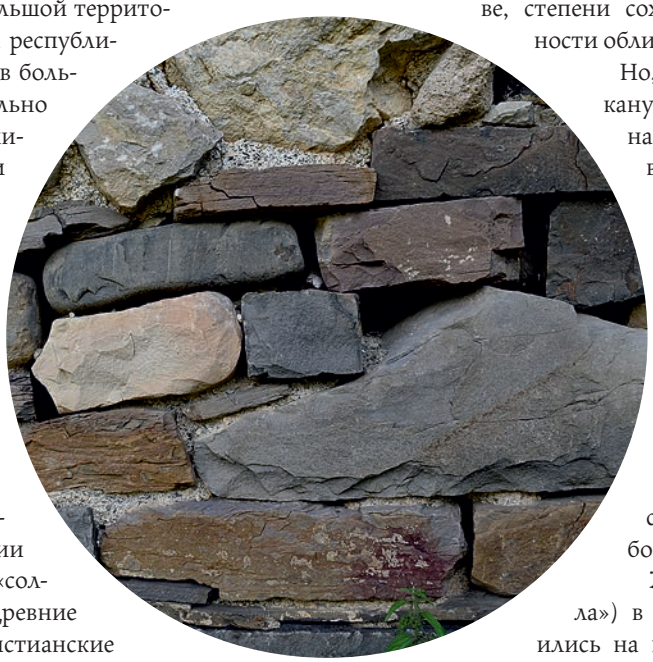
Танзила Котиева,
главный специалист Управления культурного наследия правительства Республики Ингушетия

Фото: Евгений Колбовский

Кавказ — сокровищница, таящая в себе слияние уникальных традиций, культуры и зодчества. На протяжении веков здесь, в изолированном от влияния чужеземцев месте, формировалась своя собственная, не похожая ни на что ранее созданное, уникальная техника строительства.

Архитектура на Кавказе, как яркое проявление самобытности народов, проживавших на этой территории, брала свое начало приблизительно с IX века.

Ярким примером развития архитектурного зодчества на Кавказе может служить горная часть территории Республики Ингушетия. Именно тут мы можем воочию наблюдать результат слияния традиций, культуры, менталитета народа в камне.



На сравнительно небольшой территории Джейрахского района республики сосредоточены тысячи в большинстве своем относительно хорошо сохранившихся уникальных разнотипных и разномерных памятников истории и архитектуры. Это крупные каменные фортификационные поселения, древние селища, мегалитические, так называемые циклопические постройки, жилые, полубоевые и боевые башни, целые замковые комплексы, оригинальные по конструкции погребальные склепы – «солнечные усыпальницы», древние языческие святилища и христианские храмы, а также многие другие достопримечательности, наглядно свидетельствующие о богатстве и многогранности материальной и духовной культуры ингушского народа. Этот край не случайно называли в средневековье страной башен, и талантливые ингушские зодчие заслуженно славились на всем Центральном Кавказе своим непревзойденным мастерством работы с камнем.

Эти памятники представляют собой большую научную и историческую ценность. Они самобытны и не имеют аналогов не только на сопредельных территориях, но и во всем мире.

Башенная архитектура средневековой Ингушетии является уникальным культурным наследием, правдиво отражающим реальность, действительность жизни целого народа. Ее по достоинству оценили многие известные ученые-кавказоведы, такие как Башир Керимович Далгат, Леонид Петрович Семенов, Иван Павлович Шеблыкин, Евгений Игнатьевич Крупнов и другие.

Техника строительства башен в полной мере не изучена и остается загадкой для современных исследователей, что подтверждается тем, что аналогов этим объектам культурного наследия не существует.

На долю этих памятников выпала нелегка судьба. Историко-культурная панорама искажалась природными стихиями, губительными последствиями внешних вторжений в первой половине XIX в., варварским целенаправленным уничтожением многих архитектурных комплексов и последующим запустением горных ущелий в 1944 году.

Это не могло не сказаться на их реальном составе, степени сохранности, на первозданности облика конкретных объектов.

Но, отвлекаясь от истории, канувшей в Лету, вернемся к настоящему и поговорим о видовой принадлежности башен и остро стоящем вопросе их сохранения.

Архитектурные комплексы горной Ингушетии включают в себя башенные сооружения разной степени сохранности.

Исследователи выделяют три типа башенных сооружений: жилые, полубоевые и боевые.

Жилые башни (инг. «гIала») в большинстве своем строились на высоту до трех этажей и имели продолговато-прямоугольное основание. Для достижения более устойчивого положения башни сужались кверху. Кровля жилой башни в отличие от боевых башен была плоской.

По данным исследователя М.Б. Мужухоева, размеры жилых башен у основания варьируют от 4 м в ширину и 6 м в длину до 9 м в ширину и 15 м в длину. Высота башен составляет от 8 м до 12 м.

Первые этажи подобных башен были приспособлены для содержания скота, а вторые и третьи – для жилья и, при необходимости, для обороны.

Нередко на нижних этажах жилых башен можно наблюдать наличие небольших колодцев диаметром около 1 м, глубина которых достигала 2-3 м, предназначенных для хранения зерна и, в нередких случаях, для содержания пленников.

Переходной формой от жилых к боевым башням исследователи считают так называемые полубоевые

башни. Главной отличительной особенностью этих сооружений является наличие элементов как жилых, так и боевых башен.

Этажность полубоевых башен была больше жилых и достигала 4 этажей. В своем основании полубоевые башни почти всегда квадратные и по сравнению с жилыми – меньшей площади. Их размеры составляют порядка 5 м в ширину, 5 м в длину и в высоту – до 16 м.

В отличие от жилых в полубоевых башнях отсутствует центральный опорный столб и имеются такие элементы боевых башен, как машикули (инг. «чIерх») – навесные бойницы, расположенные в верхней части башен.

Наивысший расцвет башенной архитектуры связывают со строительством боевых башен (инг. «вIов»).

Известный исследователь средневековой материальной культуры ингушей Е.И. Крупнов так отзывался об ингушских боевых башнях: «Ингушские боевые башни «вIов» являются в подлинном смысле вершиной архитектурного строительного мастерства древнего населения края. Они поражают простотой формы, монументальностью и строгим изяществом. Ингушские башни для своего времени были подлинным чудом человеческого гения, как для нашего столетия новые шаги человека в небо».

На территории республики можно встретить два типа подобных башен: с пирамидально-ступенчатой и плоской крышей.

Исследователями выдвигались предположения о более раннем возведении боевых башен с плоской крышей в связи с упрощенной конструкцией. Размеры башни у основания колеблются от 4х4 м до 7х7 м, достигая в высоту 30 м.

Жилые и боевые башни возводились без устройства фундамента на прочной, каменистой почве. Согласно легендам, место для возведения башни выбиралось тщательно, поливалось молоком, а затем слой грунта срезался до тех пор, пока он не перестанет впитывать молоко. В основание башни клали камни-монолиты, а четыре угла укреплялись специальными угловыми камнями, которые выдавались внутрь и служили опорой для перекрытий на этажах.

Строительная техника ингушских зодчих описывалась и в трудах знаменитого советского археолога, этнографа, историка Леонида Петровича Семенова (1886-1959 годы).

Согласно его исследованиям, при строительстве башни по мере воздвижения стен камни и балки поднимались при помощи ворота. Башни сооружались без лесов. Наиболее трудным считалось возведение ступенчатой кровли боевых башен. Ее начинали строить изнутри. Когда же надо было закончить покрытие свода и поставить замковый камень, на машикули ставили лестницу, привязанную веревками, прикрепленными к

столбу, поставленному на время на верхнем этаже. Веревки пропускали сквозь отверстия, сделанные между уступами кровли. Мастер привязывал себя ремнем к этой лестнице, поднимался на купол башни и заканчивал свою работу.

Общие представления исследователей о количественном и типологическом составе памятников горной Ингушетии оказались во многом заниженными и неточными. Выявленные различные башенные, погребальные и культовые сооружения, существенно различающиеся своими индивидуальными особенностями, не укладываются в существующие типологические и хронологические схемы исследователей.

В настоящее время назрела потребность в более пристальном, детальном изучении этих важных особенностей, что позволит применить полученные знания в разработке особого подхода при сохранении памятников горной Ингушетии.

Вопрос сохранения данных памятников, как кровоточащая рана, требует принятия безотлагательных мер.

Реставрацией памятников горной Ингушетии занимались еще в 1960-е годы. В 1969 году грузинскими специалистами под руководством Л. Химшиашвили проводились реставрационные работы на храме Тхаба-Ерды, расположенном в ущелье реки Ассы.

Однако в настоящее время вопрос реставрации по данному объекту вновь открыт в связи с ухудшающимся его состоянием.

В деле сохранения культурного наследия в последнее десятилетие активно реализуется государственная политика, направленная как на проведение работ по сохранению объектов в рамках реализации федеральных целевых программ, так и на правовое обеспечение сохранения памятников истории и культуры, ужесточения мер при нарушении законодательства в области охраны объектов культурного наследия.

Для формирования объективного представления состояния и всестороннего изучения памятников горной Ингушетии образован Ученый совет при Главе Республики Ингушетия по историко-культурному ландшафту «Джейрах-Асса».

Говоря о данном ландшафте, стоит упомянуть, что в горной части Ингушетии расположен Джейрахско-Ассинский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, образованный в 1988 году.

Указом Президента Российской Федерации от 20 февраля 1995 года №176 музей-заповедник включен в перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения.

С 1996 года музей-заповедник находится в российском Предварительном списке Всемирного наследия ЮНЕСКО под названием «Историко-культурный заповедник Джейрах-Асса».

На этой территории сосредоточены тысячи разнотипных памятников истории, археологии и архитектуры, о которых мы писали выше.

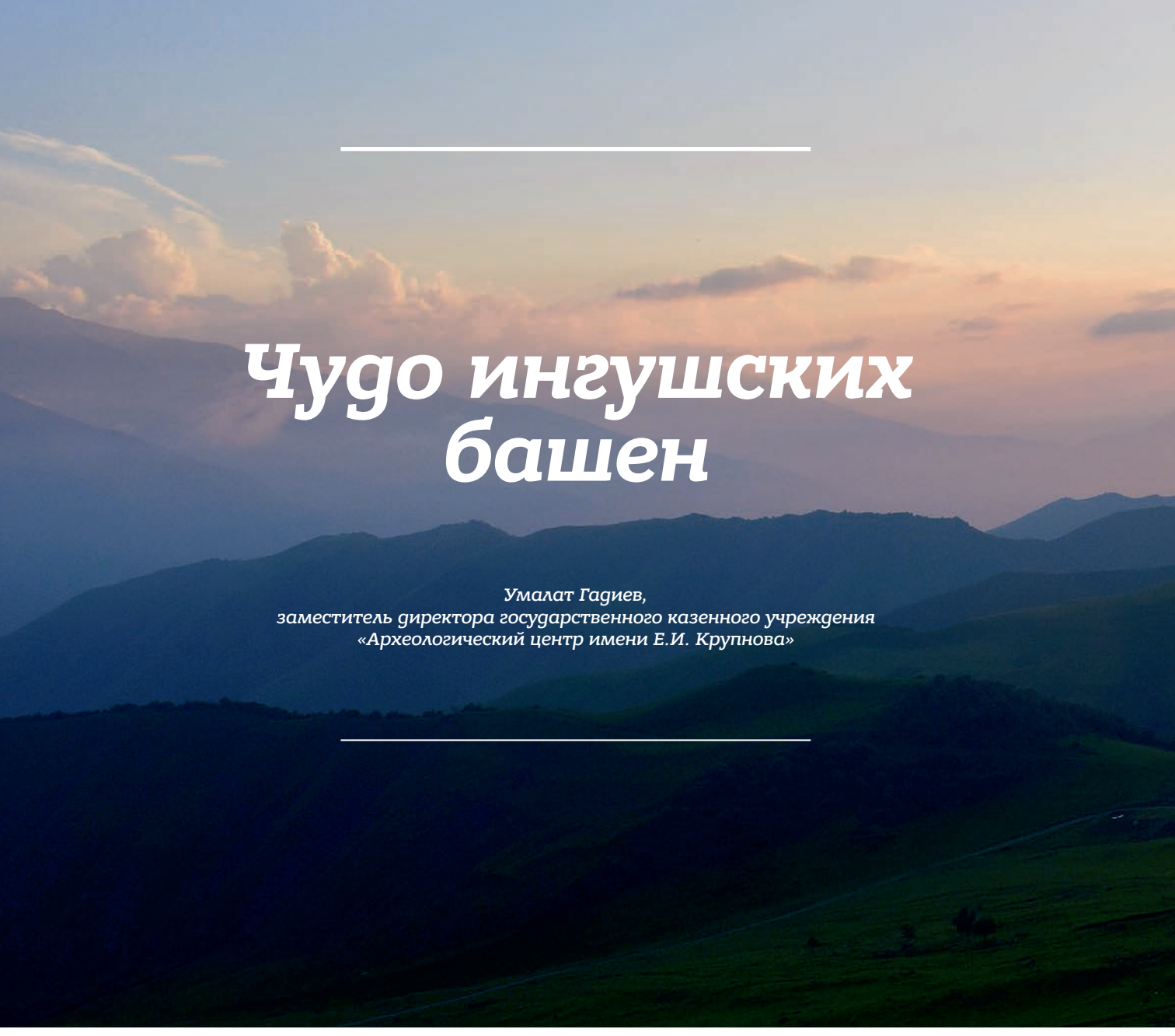
Возвращаясь вновь к рассматриваемому нами Ученому совету при Главе Республики Ингушетия, необходимо отметить, что в его состав включены эксперты по различным направлениям в сфере сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия, такие как Сильвия Грене – эксперт по реализации Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия (ЮНЕСКО), Е. Колбовский – ведущий научный сотрудник кафедры физической географии мира и геоэкологии географического факультета Московского государственного университета М.В. Ломоносова, доктор географических наук, профессор, Ю. Пиотровский – заместитель заведующего отделом археологии Восточной Европы и Сибири (хранитель коллекции Кавказа) Государственного Эрмитажа, Ш. Хауштайн – эксперт в области консервации, сохранения и реставрации природного и искусственного камня, скульптор, Н. Кодзоев – заведующий отделом ингушской истории ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева», З. Дзарахова – заместитель директора по научной работе ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» и другие.

Создание Ученого совета при Главе Республики Ингушетия и его работа позволила сделать научно обоснованные выводы по актуальным темам, поднять на новый уровень вопросы сохранения и популяризации историко-культурного ландшафта «Джейрах-Асса». В первую очередь это научная и консультативная поддержка реализации необходимых мероприятий по включению этого объекта в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, а также по сохранению памятников истории и культуры, расположенных в данной зоне.

Одним из наиболее волнующих вопросов, вынесенных на рассмотрение данного ученого совета, стала целесообразность проведения реставрационных работ на памятниках, входящих в состав историко-культурного ландшафта «Джейрах-Асса».

Орган охраны объектов культурного наследия Ингушетии придерживается позиции отступления от практики полного восстановления объектов культурного наследия с воссозданием утраченных элементов и считает целесообразным проведение работ по консервации памятников.

Однако в данном вопросе нельзя быть категоричным, необходимо применять индивидуальный подход к каждому памятнику, рассмотрев все аспекты мероприятий по его сохранению.



Чудо ингушских башен

Умалат Гадиев,
заместитель директора государственного казенного учреждения
«Археологический центр имени Е.И. Крупнова»

Горная Ингушетия выгодно отличается насыщенностью памятниками истории и культуры. Памятники архитектуры имеют большое значение для понимания не только развития архитектуры, но и исторических процессов, которые происходили на территории горной Ингушетии и Центрального Кавказа в разные периоды истории.

Фото: Евгений Колбовский

Самые ранние памятники архитектуры на территории Горной Ингушетии датируются периодом эпохи бронзы – в частности, II тыс. до н.э. К этой эпохе относятся склеповые постройки у селения Эгикал, циклопические постройки – мегалитические сооружения, сложенные из крупных квадров, – в окрестностях селений Хамхи, Таргим, Карт, Эгикал, изученные советскими археологами. Они относятся к II-I тыс. до н.э. – периоду бронзы и представляют большой интерес для понимания истоков архитектуры в этой зоне. На этих материалах можно проследить развитие архитектуры, эволюционные пути ее развития – как она менялась от простого к сложному – или, наоборот, связать с бытом, религиозными воззрениями.

Уникальны храмовые комплексы в Асиновском районе – Асиновской котловине горной Ингушетии. Храмы Тхаба-Ерды, Алби-Ерды, Таргимский и другие говорят нам, что в этой зоне Горной Ингушетии примерно с IX по XIII век существовал мощный очаг христианства. Именно в этот исторический промежуток укладываются археологические слои этих памятников архитектуры.

Богатый материал, связанный с художественным наследием, дает храм Тхаба-Ерды. На его западном и восточном фасадах есть замечательные скульптуры, орнаменты, резное убранство в интерьере и экстерьере храма.

Материалы археологических раскопок этих памятников свидетельствуют о том, что в определенные

Фото: Тимур Аршиев

периоды местные жители для создания своего письма использовали графику. Это были первые примитивные шаги, которые читаются в археологических материалах. Надписи, выполненные на древнегрузинском языке, обнаружены на черепичной кровле храма Тхаба-Ерды, каменных плитах, барельефах. Все это дает в руки исследователя богатый материал для понимания культурных и исторических процессов на территории не только Горной Ингушетии, но и смежных областей.

Отдельно можно сказать о башенной архитектуре Горной Ингушетии. Сегодня историки архитектуры, археологи, любители показывают и доказывают, насколько эта культура уникальна, многогранна и изящна для своего времени. Известный на всем постсоветском пространстве археолог, лауреат Ленинской премии Евгений Игнатьевич Крупнов писал, что ингушские башни для своего времени были подлинным чудом человеческого гения, сравнимые с первыми шагами человека в небо. Так он писал в 1960-е годы, когда СССР осваивал космос.

Русский археолог сравнил ингушские башни с развитием космонавтики. Это не зря. Чтобы осмыслить слова Е.И. Крупнова и понять, насколько искусными профессионалами были ингушские зодчие, необходимо обратиться к этим памятникам – не просто побывать на этом месте, но и немного изучить их.

Ингушские мастера Средневековья достигли больших высот в строительстве архитектурных объектов. Чтобы построить прочное здание высотой в 30 м, а иногда и выше, на достаточно узком основании 4,5-5 м или 5 м на 5 м, 5 м на 20 м, необходимы были знания не только строительной индустрии, но и физики, геометрии и многих других прикладных научных дисциплин. Ученые отмечают, что древние строители строго выдерживали даже угол наклона стен боевых башен. Это может быть 8, 10 или 12 градусов. Первые исследователи края, в основном

Фото: Евгений Колбовский

представители других национальностей – европейские и русские исследователи, не веря в творческие силы и возможности ингушского народа Средневековья, отмечали, что эти башни, скорее всего, строили греки, итальянцы, персы – настолько удивляли ученых величие и гармония этих построек.

И сегодня перед нами стоит важнейшая задача – сохранить эти уникальные объекты. В 1988 году специальным постановлением Совета Министров РСФСР на территории современного Джейрахского административного района Республики Ингушетия был создан Джейрахско-Ассинский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, в задачи которого входит сохранение уникального историко-архитектурного и природного наследия высокогорной зоны Ингушетии. В Положении о заповеднике отмечается, что приоритетом является сохранение и научное изучение этой территории и расположенных на ней объектов культурно-исторического наследия, чем на протяжении многих лет и занимается Джейрахско-Ассинский историко-архитектурный и природный музей-заповедник. Большое внимание решению этой задачи уделяет правительство и руководство республики. Сделано немало, но предстоит сделать еще больше.

По моему мнению, нужно обращать пристальное внимание на развитие туристической индустрии. Как отмечают многие специалисты, это палка о двух концах: развитие туризма – это хорошо, но при этом необходимо строго соблюдать законодательство в сфере охраны памятников. Это не только ограничение прямого воздействия на объекты культурного наследия, но и создание соответствующего климата. И, конечно, ограничение строительства на этой территории инженерных или других объектов, которые могут нарушать экспозиционный вид памятника, сложившийся исторический и культурный ландшафт.

Сохранить Ингушский адат – сохранить душу народа

Зейнеп Дзарахова

В сохранении этнической культуры, обеспечении преемственности и гармоничном развитии личности и общества огромную роль играют не только памятники старины, но и нематериальное наследие: обычаи и традиции народа.

В сохранении идентичности ингушского народа во все времена важную роль играли адаты. Адаты – это неписаный свод законов, выполняющие функцию консолидирующего начала, продуцирующего и репродуцирующего этнокультурную самобытность.

Слово «адат» в переводе с арабского означает «обычай». Для ингушского народа адаты были и остаются важным инструментом правовой культуры, в том числе в регулировании поведения и социального взаимодействия.

Традиции же – это элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в обществе в течение длительного времени.

Важнейшей характеристикой обычаев и традиций является их повторяемость, способствующая закреплению их в сознании людей.

В древности соблюдение обычаев народа представлялось сакральным обязательством. Каждый человек был обязан следовать нравственным нормам, созданным этим обществом, а следовательно, беречь честь семьи, рода и народа. Ингушская традиционная культура оттачивалась в условиях жизни в горах, что объединяло ингушей родовой порукой, формировало жизненные устои каждого человека таким образом, чтобы он соответствовал нравственным принципам, выработанным этим обществом.

Выхода и выбора не было, ибо не признанный обществом становился изгоем. С таким человеком не вступали в родство, а его проступки компрометировали не только его, но и его родственников. Таким образом, понятие чести и честной жизни, обязанности и обязательства в соблюдении обычаев народа были основаны на бережном отношении и сохранении «къаман яхI» (чести народа), «гаргарол» (родственных отношений) и «дезал» (семьи).

История

Догосударственная форма адатов складывалась на основе принципов архаичного аграрного коммунизма и семейно-родовой собственности. Для этой ступени был характерен сакральный способ легитимации адатов. Считалось, что естественные права, как личности, так и общества, имеют божественное происхождение. Отсюда проистекала и связь обычая с жертвоприношениями и ритуальной символикой. Все события жизненного цикла

(свадьба, похороны, рождение ребенка, прием гостя) были подчинены ритуализированным формам обычая. Большая семейная ингушская община была конституирована уважением к узам родства и мнению старшей родни. Семейный быт складывался под контролем широких родственных и общественных структур. Здесь господствовали половозрастное разделение обязанностей и половозрастные нормы взаимоотношений членов семьи. Вся хозяйственная деятельность опиралась на близкородственную трудовую и материальную взаимопомощь семьи, тейпа, общества.

Адаты ингушей задают нормы достойного поведения

Со временем адатами стали называть те обычаи, нарушение которых влекло за собой определенное наказание. Адаты запрещали убийство, воровство, насильственное умыкание, клятвопреступление, кровосмешение, прелюбодеяние и другие негативные проявления в обществе.

Каждый взрослый ингуш разбирался в адатах. С самого раннего возраста в человеке формировалось понятие чести, отношение к обязанностям и обязательствам, к долгу как к норме морали. Все взаимоотношения в обществе рассматривались сквозь призму кодекса чести эздел (этика), который предполагал за старшим не просто право владения и управления имуществом, но и личную ответственность и заботу о младших. Кодекс эздел, включающий требования принесения присяги, выполнения данного слова и прочее, регулировал и правовые отношения. Понятие «эздел» было и остается среди ингушей значимым и по сей день.

Эздел – образ жизни и мышления, мироощущение и нравственность, это строгое следование обычаям и традициям, благородство, обязательное, как религия.

Основными принципами культуры ингушей являются понятия чести и достоинства личности, на основе которых ингуш и выстраивает свои отношения с окружающим миром.

Любовь к Даймохк (Отечеству)

Любовь к Отечеству, как долг и обязанность блюсти къаман яхь (честь народа), воспитывается в детях сызмала. Отсюда и формирование мужественности и храбрости у мальчиков – будущих защитников семьи и Отечества, воспитание в них обязанности ставить общественные интересы выше личных. «Къунах» (мужчина), – обращаются к мальчику с раннего возраста, и с этим ощущением и ответственностью он подходит к совершеннолетию. В устном народном творчестве ингушей сохранилось уважение к мужественности

горцев, защищавших Отечество. «Пусть не родится недостойный, а если и родится, то пусть умрет!» – говорится в героико-эпических песнях народа.

У ингушей сильно развито чувство собственного достоинства, ценятся такие черты характера, как мужество, принципиальность, честность, сознательность. Ответственность за членов своей семьи, фамилии объединяются в ответственности за судьбу народа: «Сильный должен помогать слабому, здоровый – больному, богатый – бедному». «Единство народа крепче камня», – говорят в народе. «Это не только мой сын, он сын своего народа», – понимает каждый.

Слово. По адату, человек обязан бережно и взвешенно относиться к слову. Держать слово. В повседневной жизни ингуши стараются избегать острых конфликтов, неприятных сцен, шумных споров и резких слов. С детства их учат тому, что оскорбить, унизить человека, умалить его в собственных глазах – недопустимо.

Слову человека следовало верить. Клялись редко. Жестко осуждалось клятвопреступление. Человек, преступивший клятву, по адату нес наказание – изгнание, окружающие и семья от него отворачивались.

Отношение к родственникам (гаргарол). В ингушском обществе важную роль играет поддержание родства. Родственные отношения всегда считались у ингушей священными. До недавнего времени каждый ингуш знал наперечет имена своих предков до 14-го колена и больше, знал о родственных связях. Сегодня знать своих предков до 7-го колена является обязанностью каждого.

Родственные отношения у ингушей основаны на взаимных обязательствах. В ингушском обществе человек не мыслит себя вне рода, фамилии, народа. Сохранилось среди ингушей понятие «Ковна да» – старший в фамилии. За нарушение норм общежития и сегодня могут прийти к старшему в фамилии и предъявить претензии. Поведение человека в обществе: лицо семьи и фамилии. В ингушском обществе человек не мыслит себя вне рода, фамилии, народа. У ингушей не спрашивают: «Кто ты?», а спросят: «Чей ты сын (дочь)?». Это обстоятельство обязывало каждого человека поддерживать авторитет фамилии через сохранение своей чести.

По адату существуют различные обязательства по отношению к родственникам. Быть в доме в радости и в горе, поддерживать морально и материально друг друга – святая обязанность.

Адат ингушей запрещает браки между родственниками до 7-го колена. Для ингуша это немыслимо и сегодня. При создании новой семьи родственниками становятся не только семьи молодоженов, но и их многочисленные родственники. Роднятся ранее неродственные группы. И так по кругу, связывая родственными узами тех, кто не состоял в родстве, ингуши создают некий ингушский монолит, что подкрепляется ещё и силой этикета.

В выборе спутницы жизни ингуши чаще всего руководствуются правилом «непременно знать родословную невестки по линии матери и бабушки по матери», так как именно они несут в себе код нравственной культуры женщины как хранительницы традиционной культуры народа, в том числе хранительницы очага и в практическом, и в философском значении.

В ингушском обществе нет и не может быть оставленных сирот – ответственность за это несут родственники. В противном случае на близких родственников и фамилию ложится позор. Если ребенок остается сиротой и живет вне семьи, непременно спросят: «У них что, никого нет в роду?»

Семья (дезал)

Важной ячейкой общества является семья. Именно в семье происходит социализация ребенка, будущего гражданина.

Старшим в большой и малой ингушской семье является мужчина – дед (дада), отец (да), который и задает тон и сохраняет устои семьи. Своим образом жизни, отношением к обществу, к членам семьи, сдержанно-уважительным отношением к жене и заботливым отношении к детям он обязан быть примером для других членов семьи. По адату он несет ответственность за нарушение норм общежития членами его семьи. Ингуши считают, что от отца в первую очередь зависит то, как члены его семьи будут соблюдать нравственные обязанности и общественные нормы.

Родство по отцовской линии является среди ингушей значимым, так как все однофамильцы – братья. Родство по линии матери считается более душевным и почетным.

«Портится мужчина – портится семья, портится женщина – портится народ», – говорят в народе. Женщина-мать – первый воспитатель. Она учит жизни. Женщина сама обязана быть образцом соблюдения и бережного отношения к традициям и обычаям народа, благодаря чему этикет возвышает ее в глазах общества. Ингушский этикет требует относиться к женщине со всем вниманием и предупредительностью. В особом ряду – отношение к матери. Есть у ингушей выражение: «Даже если ты на ладонях над огнем приготовишь для нее еду, ты не искупишь своего долга перед ней». Здесь положение адата дополняется нормами ислама: «Рай у ног матери». Авторитет женщины в обществе поднимается выше от того, насколько достойными воспитала она своих детей.

Особым почитанием пользуются у мужчин родственники жены. Ингушский зять не должен встречаться с тещей, и это высший статус в иерархии этикетных обязанностей, ибо нет нормы, посредством которой можно было бы проявить надлежащее уважение и почтение к матери своей жены. Однако в случае необходимости зять обязан

оказывать ей всемерную поддержку и помощь. Бывают исключения из традиционных установок, когда теща общается с зятем. Такое случается, если дочь – единственный ее ребенок и если на то есть обоюдное согласие. Но инициатива общения с зятем может исходить только от уст-нана (тещи).

Нравственные устои народа проявляются и в этикете общения с девушками и женщинами. Так, к примеру, в танце юноша не имеет права даже коснуться рукой своей партнерши. Такт не позволяет девушке смотреть партнеру прямо в лицо. Скромность и женственность она не должна терять ни при каких обстоятельствах.

Отношение к старикам, уважение к старшим

Уважение к родителям и старшим, внимание и забота о них, почтительное отношение к старикам являются обязанностью и законом для каждого. В будни и в праздники дом, в котором есть старики, бывает наполнен гостями. С особой любовью тянутся к старикам их внуки. Ещё в первой половине XIX века В. Бурьянов отмечал: «Они имеют чрезвычайное уважение к старости, совет опытного старца всегда имеет большое влияние на молодежь». Без непосредственного участия старших ингуши не решают никаких значительных вопросов в жизни семьи и общества. «Несчастлив тот народ, который не считается со своими старшими», – говорят и сегодня ингуши. Они и в мыслях не допускают существования домов престарелых, в которые могли бы отправить своих родителей. Внимание к старикам и родителям является обязанностью для каждого человека, сопряженной с ответственностью перед широким кругом родственников и обществом за их комфортное ощущение и состояние. Степень уважения к себе человек обретает мерой уважения к своим родителям, старшим и старейшинам. Потому нередко в многодетной семье каждый из женатых сыновей желает, чтобы родители жили именно с ним, а не с младшим сыном, как это уже сложилось. Для ингушей является обязанностью проявлять внимание к пожилым людям, независимо от их национальности.

Гостеприимство

Институт ингушского гостеприимства издревле имеет сакральный характер, а со времени при-

нятия ингушами ислама он обрел дополнительную поддержку. «Гость от Бога», – говорят в народе. Всё лучшее в доме подается гостю. Во все времена, даже в самой несостоятельной семье, для гостя отводилось отдельное помещение «хаьша цIа». Те, кто мог себе позволить имели во дворе отдельный гостевой дом, но в основном при строительстве дома всегда предусматривалась комната для гостей, в которой находилось все необходимое, чтобы гость смог подкрепиться и отдохнуть. В ингушских семьях даже в самые тяжелые времена имелись запасы еды для гостя «хаьша – да воагIи».

Гостю оказываются уважение и внимание независимо от его национальности и вероисповедания. Н. Яковлев говорил: «Права хозяина в глазах ингуша настолько святы и нерушимы, что это правило не знает решительно никаких исключений или смягчающих вину обстоятельств». Ингуш, не сумевший защитить гостя в случае необходимости, терял все права свободного человека. Нарушение обычая гостеприимства влекло за собой суровое наказание и даже расценивалось обществом как преступный акт».

Взаимопомощь

Для ингушей характерна жизнь, полная труда и достатка, уверенности в себе и в том, что они смогут помочь другим и морально и материально, а также взаимовыручка и стремление делать добро. Понятие «благодать» ингуши связывают с душевной щедростью, жизненной мудростью, трудолюбием, умением быть полезным и нужным обществу. Издревле среди ингушей существует институт «белхи» (коллективная взаимопомощь) как святая обязанность каждого быть полезным другому, помочь физически в нужную минуту в тяжелых жизненных обстоятельствах. Коллективная взаимопомощь поддерживала людей и помогала преодолевать тяжелые времена.

Адат – понятие многогранное. Распространялся он на самые разные взаимоотношения. К примеру, ингуши славились строительством башен и нередко строили башни за пределами своего края. Однако, согласно адату, строитель боевых башен не имел права строить классическую ингушскую башню за пределами Дай мохк (Страны отцов), а строительство башни не могло продолжаться ни на один день долее года. При строительстве башни учитывалось мнение первого поселенца этой местности относительно высоты, окон, бойниц. Первый поселенец считался в селении главным.

Согласно адату, все мужчины с пятнадцатилетнего возраста носили оружие

Адат запрещал обнажать оружие, если оно не будет использовано по назначению. За ослушание следовало наказание. Здесь срабатывал

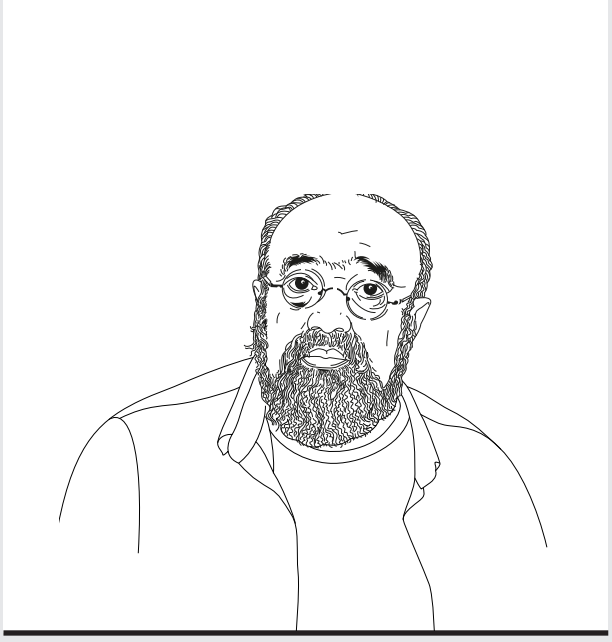
инстинкт сдерживания: не браться за оружие до последнего. Позором считалось наносить колющие удары – кинжалом полагалось бить, как мечом или саблей. Адат не разрешал убийство кровника до его совершеннолетия или если рядом с кровником находится ребенок. Адат запрещал брать на смертельно опасное дело двоюродного брата без согласия его отца. Только в отношении брата матери и племянника сестры это правило исключалось.

В первой половине XIX века ингуши приняли ислам, и с этого времени начинается использование и шариатских норм отношений. Надо сказать, что большая часть адатов не противоречит нормам шариата. В основе того и другого права лежат законы «не убей», «не воруй», «не лги», «не прелюбодействуй», «не загрязняй экологию» и пр., то есть общечеловеческие ценности.

Но были нормы адата, несовместимые с шариатом. Например, когда речь шла о мере наказаний. Шариатская норма требует возмещения ущерба один к одному: за левый выбитый глаз полагалось выбить левый. А по адату за выбитый глаз обидчика можно было ослепить. Приведение норм адата в соответствие с шариатом по некоторым пунктам, касающимся наказания, представлялось не очень сложной задачей. Но на практике это оказалось непросто. У ингушей факт оскорбления чести имеет более жесткие очертания и – наказание.

Меняется мир, стремительно развиваются СМИ, что не может не влиять на традиции и обычаи народа. Сегодня они сохраняются силой участия общества и сложившихся устоев. Базовые постулаты традиционной духовной культуры ингушей следует сохранять как высшую ценность и культурное наследие. Издревле проживая в центральной части Кавказа, соединяющей Северный Кавказ с Закавказьем, Западный и Восточный Кавказ, ингуши имели межкультурные коммуникации с очагами мировых цивилизаций, вступали во взаимоотношения со многими племенами и народами, что в свою очередь, обогащало и ингушскую традиционную культуру. «Гlалгlай мотт ховша ва, дунен мотт ховша хургва (владеет ингушским языком, значит, знает язык народов мира)», – говорят ингуши, подразумевая при этом язык благородства, гуманности и высокой дипломатии, сохраняющейся в традициях и обычаях ингушского народа.

Нравственными критериями, которым обязан следовать каждый ингуш, до сих пор остаются: уважение к старшим и забота о младших, верность слову и честность, выдержка и терпимость, гостеприимство, взаимовыручка и осознание значимости любого человека – независимо от его веры, национальности и социального положения. В обществе ценятся такие обычаи, как вежарил (побратимство) и дottагал (дружба) с представителями как своего, так и других народов. Дружественные взаимоотношения передаются через поколения.



ГЛАВНЫЙ ТРУБАДУР РОДИНЫ

Евгений Попов

Фазиль Искандер как культурное наследие Кавказа

Это был год, когда медленно, со скрипом разрешили антисталинский, антибериевский, антитоталитарный фильм «Покаяние» Тенгиза Абуладзе. Мы шли веселой интеллигентской компанией с полузапрещенного просмотра по Тверскому бульвару в ЦДЛ, и разговор зашел о скандальной переписке писателя Виктора Астафьева с Натаном Эйдельманом, поводом для которой послужил рассказ Астафьева «Ловля пескарей в Грузии». Абуладзе в споре не участвовал, но, наклонившись ко мне, тихо сказал: «Вообще-то прототипы двух героев рассказа – действительно неприятные люди. Не нужно обольщаться. Везде есть хорошие и плохие люди. Даже на Кавказе, даже в Грузии, которую вы в России так любите».

Это настолько шло вразрез с тогдашним общеинтеллектуальным мнением относительно прегрешений Астафьева, что я (тоже тихо!) ахнул.

Ибо на глазах простое, черно-белое решение вопроса обретало «цветущую сложность», и тривиальное «ну вы же сами должны понимать» теряло смысл.

Вот и в прозе Фазиля Искандера, особенно в его знаменитом «Сандро из Чегема» царствует эта сложность, которая выше утилитарного плюрализма и декоративного всепрощения. Восток – дело тонкое, а Кавказ – это часть Востока и одновременно – России, где абсурд соседствует с чистым разумом и, к сожалению, время от времени меняется с ним местами.

Искандер немыслим без России, а Россия немыслима без Кавказа и людей, эти пространства населяющих

«Клянусь Багировым!» – восклицает в самый неподходящий, трагический момент заполошный азербайджанец в одном из искандеровских рассказов о послевоенном Сухуме, где бандит Моня сеял ужас средь мирных жителей. И невольные участники кровавой драмы не могут удержаться от хохота: клясться именем далекого (и ныне забытого!) коммунистического фюрера тогда, когда здесь, под боком есть вожди погрознее, по крайней мере глупо. Но все они прекрасно понимают, что глупость эта – от страха, а вовсе не от природных мозговых дефектов. Это жизнь, в которой человеку нужно постараться, чтобы выжить. Ведь жизнь вообще – вечна, а жизнь индивидуума – капля в море.

Фазиль Искандер. Отец – перс, мать – абхазка. Сам – классический русский писатель второй половины XX века, добавивший в литературную летопись России не менее своих относительных сверстников Аксенова и Солженицына.

Но если Аксенов – это та голова имперского орла, что обращена на Запад, а Солженицын глядит на Восток, то Фазиль Искандер – это тело Империи.

Искандер немыслим без России, а Россия немыслима без Кавказа. В широком и единственном смысле этого вовсе не географического термина, включающего в себя не только горы и долины, моря, реки, рощи, поля, но и людей, эти пространства населяющих.

В прежние советские времена, когда выехать с любой целью на Запад было решительно невозможно (впрочем, на Восток – тоже), у нас был свой Запад – Прибалтика. И свой Восток – Средняя Азия, Бурятия, Еврейская АО. Один Кавказ оставался Кавказом.

Теперь, когда границы пока что открыты в обе стороны и граждане России уже наездились по Турциям, Египтам, Лаосам и китайским островам, хорошенько изучили зарубежье, с удивлением обнаружив, что в России жизнь, конечно же, сложна, но и там, увы, не сахар, роль Кавказа для страны может неожиданно возрасти. Залезьте в интернет, и многие из вас с удивлением обнаружат, сколько на Кавказе интересного, здорового и полезного – и для ума, и для сердца, и для здоровья. Памятники архитектуры, недоразрушенные большевиками, грандиозные древние сооружения, дивные виды, подобным которых в мире нет, курорты, термальные воды – все это наше, все это Россия.

И Фазиль Искандер, ровно год назад покинувший сей вещный мир, но сделавший все, что в его силах, чтобы мы не одичали, чтобы любили Богом данную нам землю, чтобы не злобствовали, не гнобили друг друга, наш Фазиль Искандер на сегодняшний день – главный трубадур Родины. 31 июля на Новодевичьем кладбище установлен памятный знак его имени, а осенью будет вручена первая в мире литературная премия Искандера.

Евгений Колбовский,
доктор географических наук, профессор МГУ

фото: Тимур Агиров

Туризм и памятники: *две стороны одной медали*

Наследие и туризм – вновь востребованные сервисы. Возросшее в последние годы внимание к наследию возродило полузабытые коннотации эпохи модерна столетней давности.

Очутившись в силках потребительского капитализма, отдельно взятый «простой человек» вдруг вспомнил, что культурный ландшафт и его составляющие (исторические и архитектурные памятники на фоне уникальной природы) – это малая родина, «гений места» и потенциал для эскапизма от пресса городской жизни. Целые народы, оказавшись в объятиях глобализации, осознали, что ландшафт – это возможность самоидентификации, колыбель национального духа и даже объект, вокруг которого представляется вероятным примирение и творческое единение самых разных (в том числе и конфликтующих) социальных групп.

Настроения эти отнюдь не новы. Впервые они появились в ходе становления национальных государств Европы и Северной Америки, а затем нашли яркое выражение в этико-философских, эстетических и идеологических установках модернизма. Вся современная практика «охраны наследия» и «охраны природы» вышла из «моральной географии» XX века, порожденной, в свою очередь, модернистской философией почвенничества и органицизма, этноисторической инициативой краеведов-любителей и организаторов молодежных движений, подвижничеством первых чудаковатых диссидентов-дауншифтеров, отправившихся жить «на лоно природы» и чуть позже – литературной традицией писателей-«деревенщиков».

Отнюдь не новы и попытки приспособить к развитию туризма «нематериальные сервисы» наследия. Еще на родине рекреации – в Британии – досужие джентльмены (men of leisure) путешествовали по следам героев романов Вальтера Скотта. «Моральная география ландшафта» ответственна за рекреационный lifestyle нескольких поколений и его реинкарнацию – современный туризм. Эстетика ландшафта, всегда игравшая заметную роль в формировании национальной культуры и санкционированной государством «народности», сегодня становится едва ли не главным модусом внутреннего и внешнего туризма во всем мире.

Все это делает актуальными любые попытки осмысления того комплекса проблем, который возникает в уже привычном треугольнике «наследие – туризм – региональное развитие».

Именно эта попытка спровоцирована впечатлениями от недавнего посещения Крыма и от поездки в горную часть Ингушетии.

Регионы в «потенциале»

Человеку, далекому от научной и проектно-планировочной реальности, трудно даже представить, сколько страниц исписано рассуждениями о высочайшем туристско-рекреационном потенциале российских регионов в научных диссертациях, планах стратегического развития, схемах территориального планирования или генеральных планах сельских (городских) поселений. Притом – чем более депрессивен регион и значительнее дотации, тем, как правило, активнее педалируется эта тема. И действительно, казалось бы, «вот они, те леса, где полно черники, реки, где ловят рукой белугу» – как писал Поэт. Не знаю, как в Ингушетии с белугой (тут, скорее, терский усач или ручьевая форель), а черники кавказской в уникальных буково-грабовых лесах долины Ассы – сколько угодно.

Ингушетия красива, красива до невероятности: всякий, хоть чуточку – в пределах школьной географии – умеющий «читать» природу, увидит здесь и вершины-пики альпийского типа, соединенные гребнями-пилами, и одиночные «зубы», и останцовые некки древних вулканов (именно с них так нравится прыгать бейсджамперам), и классические складки известняковых слоев, и похожие на блюдца высоко поднятые каровые полуцирки, и широкие троговые долины бывших ледников с обнажениями боковых морен, а также осыпные конусы и «плащи» недавних оползней.

Пейзажи – как будто специально кем-то нарисованы по канонам живописного стиля, впервые сформулированным еще в XVIII веке английским священнослужителем Уильямом Гилпиным: уходящие вдаль отвесные ущелья с порожистыми речками, мягкие склоны низкогорий, словно задрапированные лугами пастбищ, высокие скальные стенки с контрфорсами, снежниками складок и кулуарами. То тут, то там, на еще читающихся террасах бывших полей, на расширениях контрфорсов или просто на одиночных скалах-жандармах – старинные каменные сооружения ингушей: сторожевые башни с полуарочными проемами боевых окон, древние храмовые постройки, жилые дома с руинами окружавших их стен, родовые могильники под сланцевой кровлей. Пространство, насыщенное красотами природы и объектами старины – в наличии и genius loci, и чувство истории.

Но как реализовать потенциал?

Как сделать так, чтобы не в Швейцарию, а в Ингушетию (или в Крым) поехали любители скалолазания и восхождений, поклонники горного трейл-раннинга и скандинавской ходьбы, велотуризма и фотоохоты? Ответа на этот вопрос мы не найдем ни у «стратегов» регионального развития, ни у планировщиков-градостроителей, ни у эффективных менеджеров. Ибо специалисты, как известно, подобны флюсу, а реальность сложна и требует широкого горизонта восприятия и системной рефлексии, каковая – явно не примета нашего времени.

Посему, пока управленцы навешивают регионам дутые рейтинги и спорят о том, где там у них затерялся

«центр» Золотого Кольца, внутренний туризм – типичное дитя семи нянек (министерств, агентств и комитетов) – неспешно ковыляет по отчизне на нетвердых ножках...

Факторы, которыми нельзя пренебречь

Меж тем мировой опыт доказывает, что для действительного развития туризма необходимо счастливое сочетание четырех факторов, а точнее – групп факторов.

Фактор первый: морально-психологическая готовность местного населения развивать туризм – если не как локомотив экономики, то хотя бы как отрасль хозяйства и статью дохода. Говоря проще – способность без раздражения и медленно созревающего отторжения видеть на своей территории многие тысячи или даже десятки тысяч отдыхающих людей и обслуживать их разнообразные нужды.

Мы найдем сегодня сотни статей о том, как туризм развивает регионы, обеспечивает рабочие места и буквально составляет счастье местного населения. Но у каждой медали есть обратная сторона. «Невыносимый блеск туризма» (Unbearable lightness of tourism) – так называется одна из немногих критических статей бельгийца Ноэля Салазара, анализирующая столкновение туриндустрии с местной культурой, столкновение, которое нередко, по сути, оказывается тяжелым прессом и даже латентным насилием для принимающего этноса. В этом смысле горные районы особенно уязвимы.

Культура хайлендеров – жителей гор, будь то шотландцы или ингуши, всегда уникальна, поскольку основана и построена на беспрекословном соблюдении традиционной этики, родовых обычаев, религиозных и моральных устоев. Насколько культура горцев совместима с демонстрацией, выставлением напоказ объектов наследия: святилищ и могильников, родовых башен и старых стен? Это вопрос, на который нет ответа. Но без тактичного его решения никакой туризм на землях хайлендеров, да и вообще на территориях, занятых этносами, сохраняющими патриархальные традиции, невозможен.

Фактор второй: выстраивание «рекреационного плеча». За последнюю четверть века рекреация как сфера жизни современного общества претерпела разительную эволюцию – на сцену вышло новое активное поколение, поставившее себе на службу современную технологию -- взять хотя бы специальную обувь, сухопутные, водные и прочие средства перемещения и т.д., и т.п. Это привело к разветвлению прежних «наивных» рекреационных занятий на множество новых: какие-нибудь простенькие «велопокатушки» породили дюжину велосипедных увлечений – от даунхилла до BMX-байкинга; примерно то же самое случилось и во всех других

некогда простых видах туризма – горного, водного, пешеходного и т.д. При этом каждый новый подвид претендует на свою «экологическую нишу» – определенное сочетание природных условий, рукотворных элементов и приспособлений.

Для развития туризма в регионах эти рекреационные занятия надо мониторить, то есть выявлять и учитывать, контролировать и оценивать.

Например, в каждом штате США мониторингу подлежат десятки (а в некоторых – около сотни!) видов элементарных рекреационных занятий, которые исследуются соответствующими службами во всех возможных аспектах – от рекреационных ожиданий и предпочтений у различных профессиональных возрастных и гендерных групп до состояния и вмещающей способно-

фото: Евгений Колбовский

сти захваченных этими видами ареалов – территорий и акваторий.

Сегодня ни в одном регионе РФ мы не в состоянии ответить на простой вопрос: какое количество людей какими видами рекреационных занятий, на каких территориях и в какие сезоны года готовы заниматься? И, что немаловажно, – какие средства они способны и готовы на это потратить. Поэтому мы до сих пор не можем планировать рекреацию, а без решения этой задачи невозможно успешно развивать и туризм – какими бы замечательными и выдающимися ни были стартовые условия.

Иногда кажется, что все можно пустить на самотек: люди сами поедут, куда считают необходимым, займутся тем, что им по нраву, и, как в известном анекдоте, «все само устроится». Не устроится – о чем и свидетельствует наш уже многолетний опыт изучения таких «самоустроенных» территорий.

Произвольный туризм оставляет после себя бедленды на всем пространстве Родины – от Селигера до острова Рейнеке в Охотском море. Процесс может быть не очень заметен, но масштабен и по последствиям для региона – резко негативен. «Втягивание территории» всегда происходит по принципу самозахвата: новые виды рекреации транслируются любителями этого вида отдыха на подходящие ареалы природной или традиционной сельской среды. Сперва – при случайном или эпизодическом использовании места – вроде бы ничего не требуется. Скажем, люди сплавляются по горной реке и выбираются на ночную стоянку на удобном

фото: Евгений Колбовский

и живописном уступе террасы. Но уже периодическое, то есть повторяющееся использование места создает необходимость в элементарном обустройстве – как минимум, неплохо бы убирать мусор и заготавливать дрова для костра; регулярная же эксплуатация (если по той же реке в сезон пройдут десятки плотов) потребует уже серьезного сервиса – от установки биотуалетов до строительства навесов-убежищ и т.д.

Если же в пространстве пересекаются несколько видов рекреации – то речь должна идти уже о серьезном планировании. Согласитесь, не очень хорошо, если трасса для конных верховых прогулок будет одновременно использоваться для трейл-раннинга.

Развитая туристическая специализации неизбежно требует правого регулирования, корректировки градостроительного планирования и специального проектирования инфраструктуры – это обстоятельство можно считать третьей группой факторов.

И здесь – проблема на проблеме. Дело в том, что, по сравнению с прочими агентами освоения территории российских регионов, территориальные притязания туристско-рекреационной сферы в действующем законодательстве отражены, а следовательно и защищены весьма слабо.

Статья 13-я «Туристские ресурсы РФ» главы VI Федерального закона «Об основах туристской деятельности» повествует о туристских ресурсах весьма неопределенно. Авторы как будто специально избегали терминов «территория», «зона», «район» «местность», «акватория», «ландшафт», надеясь, по всей вероятности, на то, что территории, ценные в туристском отношении, выделятся сами собой в процессе развития туризма и рекреации. Но этого не произошло – прокатившаяся по стране волна территориального планирования загоняла рекреацию в зоны, помеченные загадочной для конечного пользователя буквой Р, и что с ними делать, никто до сих пор не догадался.

Между тем туризму присуща своя структура, которая легко выявляется при анализе сложившихся туристско-рекреационных систем развитых регионов и которая включает *ядра* –концентрирующие в своих пределах не только большую часть объектов туристской индустрии, но и соответствующие инфраструктурные возможности (гостиницы, отели, кафе, рестораны, автостоянки и т.д.); *оси* – сеть функционирующих туристических маршрутов: пешеходных, конных, водных, велосипедных; и *локусы* – собственно те самые места, которые и привлекают к себе потоки туристов – памятники архитектуры и истории, уникальные природные объекты, иными словами, объекты наследия.

Эта пространственная композиция развития туризма в регионе должна быть обеспечена правовой

(землеустройство, межевание, лесоустройство, разработка охранных зон) и организационной (участие хозяйствующих субъектов) поддержкой. И то, и другое – дело, весьма непростое. Британия потратила весь двадцатый век и годы «бодания» в обеих палатах парламента на то, чтобы разработать и принять специальные правовые акты, которые гарантировали бы доступ к объектам наследия для «широких народных масс», представителей которых, в свою очередь, вовсе не желали видеть в своих имениях наследные лендлорды. Устройство «длинных» национальных трасс для автомобильных, конных, велосипедных и пешеходных видов туризма без обеспечения этого очень важного свойства доступности – было бы невозможно.

Последняя, четвертая, группа факторов – сохранность наследия, по отношению к которому туристическая индустрия выступает в роли потребителя. Для туризма архиважно (как писал всем известный классик) сохранение целостных фрагментов традиционной среды: историко-архитектурные комплексы способны «работать» в туризме только на фоне традиционного ландшафта. Именно этим так привлекательны Тоскана и Андалузия, долина Роны или фьорды Норвегии.

Памятники в ландшафте

Герберт Спенсер трактовал красоту сельских пейзажей как забытую утилитарную полезность прошлых веков. С этим – не поспоришь. Но у «забытой полезности» есть пределы: если ландшафт утрачивает свою физиогномику, характерный внешний облик – то навряд ли кто-то сочтет его красивым. Мы до сих не вполне представляем себе, каким образом многовековой труд крестьянина, пастуха, строителя и промысловика формировал красивейшие пейзажи. Но уже хорошо понимаем: с уходом из ландшафта человека эти пейзажи трансформируются, разрушаются, растворяются в наступающей природе. Дикая чаща – «манящая природа» для эколога. Но для человечества в целом исчезающие культурные ландшафты – реальная утрата. Туризм как отрасль тоже страдает от подобного запустения – процесса, который биоэкологи величают экореабилитацией, а замечательный русский географ В.П. Семенов-Тян-Шанский метко обозначил как «одичание».

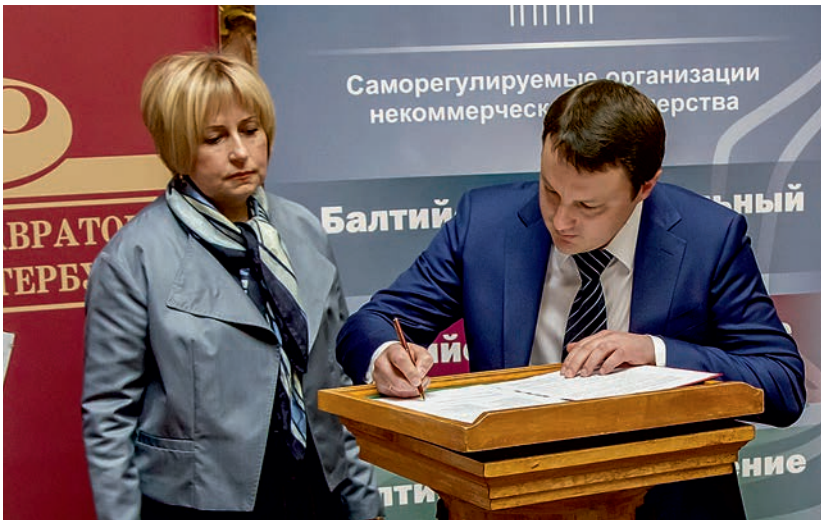
Рефлексия на эту тему вполне отчетливо выражена в Европейской конвенции о ландшафтах, но еще до ее принятия британские и испанские, французские и бельгийские географы озаботились разработкой понятных и воспроизводимых методов инвентаризации типологии и картографирования культурных ландшафтов. Полученные классификации традиционных ландшафтов были положены в основу определения их ценности (программа Landscape Character Assessments), что, в свою очередь, позволило разработать целую серию «мягких» рекомендаций для девелоперов всех мастей: местных властей, фермеров, лесопромышленников, градостроителей и дорожной отрасли.

Российская Федерация, как известно, Европейскую конвенцию о ландшафтах не подписала, поэтому пока что мы обречены работать «штучно», сталкиваясь при этом с двумя принципиально различными типами объектов: а) обширными территориями традиционной сельской местности, на которых возможно применение режимов управления, позволяющих контролировать процессы «одичания» и имитировать традиционный облик (landscape physiognomy), и б) небольшими по площади ландшафтными комплексами с памятниками истории, архитектуры или археологии, для которых реальна хотя бы условная музеефикация (museum landscapes).

И в первом, и во втором случаях возникает нетривиальная проблема определения образцов для реконструкции культурных ландшафтов, получивших с легкой руки итальянцев наименование референтных (reference landscapes). Традиционная сельская местность почти всегда представляет собой «палимпсест» с наслаивающимися друг на друга культурными признаками разных эпох, а потому до некоторой степени спорным остается вопрос о том, на какой именно этап исторического освоения (time depth) следует ориентироваться при восстановлении культурного ландшафта. Обыкновенно речь может идти о реконструкции облика местности на период «доиндустриальной» эпохи с присущими ей небольшими размерами угодий и выраженными межевыми элементами (знаками, насыпями, живыми изгородями, каменными стенками, деревянными оградами). Но в ареалах, долгое время служивших перекрестками цивилизаций, все гораздо сложнее, особенно если сохранились архитектурные свидетельства древнейших эпох – раннесредневековой или античной... Рискну предположить, что именно с такой ситуацией, неизбежно порождающей жаркие споры об аутентичности, мы столкнемся в Крыму и на всем пространстве Северного Кавказа, в том числе и в Ингушетии.

Историческая достоверность или аутентичность – самая коварная материя, особенно если мы стремимся каким-то образом реконструировать это свойство в культурном ландшафте. Поиск аутентичных признаков требует кропотливой и совместной работы специалистов (историков, географов, археологов), обычно разведенных жизнью по разные стороны действительности. Прецеденты мировой практике имеются, есть и первые отечественные опыты. Но это уже тема для следующего разговора.

Руководитель ФГБУК «АУИПИК» Роман Рыбало посетил Санкт-Петербург



В конце июня руководитель Агентства по управлению и использованию памятников истории и культуры (ФГБУК «АУИПИК») Роман Рыбало посетил Санкт-Петербург. Программу его визита можно разделить на два этапа: официальную часть и рабочие будни.

Официальный визит Романа Алексеевича был приурочен к мероприятиям, посвященным празднованию Дня реставратора в Санкт-Петербурге.

Программа празднования началась 28 июня торжественным открытием научно-практической конференции «Модель успешного взаимодействия государства и бизнеса в сфере реставрации: опыт, возможности, перспективы». Конференция, организованная Союзом реставраторов Санкт-Петербурга, проходила в роскошных залах особняка А.А. Половцова (ул. Большая Морская, д. 52), в котором сегодня располагается Дом архитектора.

После официального открытия пленарного заседания, где к гостям с приветственным словом обратились председатель Совета Союза реставраторов Санкт-Петербурга Нина Шангина, заместитель министра культуры РФ Олег Рыжков и председатель комитета по госконтролю, использованию и охране памятников истории и культуры правительства Санкт-Петербурга Сергей Макаров, состоялась торжественная церемония подписания Соглашения о сотрудничестве между ФГБУК «АУИПИК» и Союзом реставраторов Санкт-Петербурга.

«Очень символично, – отметил в этой связи руководитель АУИПИК Роман Рыбало, – что первое подобное соглашение агентство заключает с Союзом реставраторов Санкт-Петербурга. Всем известно, что Министерство культуры и лично Олег Владимирович [Рыжков] уделяют большое внимание повышению качества реставрационных работ и развитию всей реставрационной отрасли. Поэтому одной из целей нашего соглашения является попытка найти элементы для повышения качества – в первую очередь. Второе – это образование, повышение уровня образования в сфере реставрации. И третье, что хотелось бы отметить: часто, когда говорят про наше агентство, вспоминают почему-то имущество, реставрацию, но забывают третьего «кита» – популяризацию. Поэтому третий момент нашего соглашения с Союзом реставраторов Санкт-Петербурга – как раз популяризация и взаимодействие в этой сфере».

В области популяризации темы сохранения культурного наследия и воспитания подрастающего поколения одним из первых может стать совместный проект Союза реставраторов Санкт-Петербурга и Агентства по приобщению школьников к профессии реставратора. Реализация этого проекта возможна в рамках VI Санкт-Петербургского культурного форума в ноябре 2017 года.

После подписания соглашения новый руководитель агентства осмотрел объекты, находящиеся в оперативном управлении филиала АУИПИК по Северо-Западному федеральному округу. В числе первых Роман Рыбало посетил Кронштадтские форты.

Оборонительные сооружения Кронштадта возвышаются над водами Финского залива более 300 лет, и вплоть до начала XX века система северных и южных Кронштадтских фортов вместе с батареями острова Котлин оставалась самой мощной крепостью на Балтике.

«На сегодняшний день в оперативном управлении агентства находится 11 фортов, – рассказывает Роман Рыбало. – Это фортификационные сооружения, их историческое предназначение – охрана территорий, береговой линии. Мы хотим вдохнуть в них новую жизнь. Пять объектов Кронштадтской крепости выставлены на аукцион «Аренда за 1 рубль». Недавно был сдан в аренду по программе «Аренда за 1 рубль» форт «Риф», и сейчас мы ждем от нового хозяина концепцию развития этого памятника культуры. Ожидается, что это будет концептуально новый подход к развитию места, но с учетом его первоначальной исторической функции. Это может быть яхт-клуб, экскурсионно-историческая территория или место для проведения каких-то культурных мероприятий».

Пресс-служба ФГБУК «АУИПИК»

КУЛЬТУРА.РФ

ПОРТАЛ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ТРАДИЦИЙ РОССИИ «КУЛЬТУРА.РФ» — ЭТО МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ФОНД ДОСТИЖЕНИЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Архитектура и кино, музыка и живопись, театры и музеи, традиции и нематериальное культурное наследие — мы говорим с пользователем на любую тему из сферы культуры.

На портале собрана информация об учреждениях культуры нашей страны, публикуются анонсы культурных мероприятий столицы и регионов. Здесь легально и совершенно бесплатно можно посмотреть театральные спектакли, художественные, анимационные и документальные фильмы, лекции и мастер-классы деятелей культуры и искусства.

Мы предоставляем возможность совершить виртуальные прогулки по ведущим музеям страны и городам России.

141
ОБЪЕКТ АРХИТЕКТУРЫ

848
ЛЕКЦИЙ ОНЛАЙН

643
СПЕКТАКЛЯ ОНЛАЙН

1339
ФИЛЬМОВ ОНЛАЙН

237
ВИРТУАЛЬНЫХ ТУРОВ

365
ОБРАЗОВ РОССИИ

Ваш навигатор по культурной жизни страны.

vk.com/cultrf

instagram.com/cultrf

facebook.com/cultrf

twitter.com/cultrf

ok.ru/cultrf

viber.com/cultrf

«Сохранением наследия должны заниматься творческие люди»

Как вдохнуть новую жизнь в старые здания

В павильоне «Зал на острову» Государственного музея-заповедника «Царское Село» (Санкт-Петербург, г. Пушкин) 8 июля 2017 года в 12.00 под председательством министра культуры Российской Федерации Владимира Мединского состоялось заседание коллегии Министерства культуры Российской Федерации.

Участники заседания обсудили кандидатуры, представленные на получение стипендий Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации на 2017/2018 учебный год из числа обучающихся в образовательных организациях, подведомственных Минкультуры России, проекты в области информатизации, реформирование реставрационной отрасли, а также перспективы развития детских школ искусств.

О проектах в сфере информатизации рассказал советник министра культуры Вадим Ваньков.

В его выступлении говорилось о развитии портала «Культура.рф» и о проектах, которые планируется реализовать в рамках этого портала. По словам советника, важное место в деятельности Министерства займут проекты популяризации культурного наследия. Один из наиболее важных – платформа дополненной реальности «Артефакт». Благодаря этой платформе все музеи страны получают возможность в режиме дополненной реальности показывать выставки своим посетителям. Кроме того, Вадим Ваньков представил новую систему «Учета продажи билетов» для подведомственных министерству учреждений (музеев, театров и филармоний), а также «Единую аналитическую систему Минкультуры России».

Наболевшим оказался на сегодняшний день вопрос развития Детских школ искусств.

«В настоящее время большинство Детских школ искусств находятся на муниципальном уровне и финансируются по остаточному принципу. Это сказывается не только на состоянии школ, материальном обеспечении педагогов, но и на качестве образования», — отметила директор департамента науки и образования Минкультуры России Александра Аракелова, которая представила на коллегии доклад о развитии ДШИ в России.

«В решении коллегии будут пункты, направленные не только на популяризацию деятельности школ искусств и вообще нашей системы художественного образования, но и на стабилизацию их экономического состояния», — сообщила директор департамента. В частности, это предложения главам регионов рассмотреть вопрос об увеличении заработной платы преподавателям детских школ искусств. Кроме того, были предложены меры, касающиеся обновления материально-технической базы школ и реализации преимущественно предпрофессиональных, а не общеобразовательных программ.

«Школы должны реализовывать те программы, которые исторически у них сложились, иначе наша трехуровневая система – школа-училище-вуз – перестанет нормально функционировать», – подчеркнула Александра Аракелова. По ее словам, Минкультуры России также планирует разработать вместе с региональными министерствами культуры «дорожную карту», где все эти проблемы и варианты их решения будут обозначены.

С концепцией реформирования реставрационной отрасли выступил заместитель министра культуры РФ Олег Рыжков.

Реформирование реставрационной отрасли – один из наиболее обсуждаемых вопросов в последнее время. Стоит отметить, что выработка соответствующей стратегической инициативы началась еще в 2016 году, когда приказом министра культуры РФ была сформирована соответствующая рабочая группа, в состав которой вошли ведущие российские специалисты, эксперты в области реставрации объектов культурного наследия и чиновники. В течение года группа занималась рассмотрением и изучением проблемных вопросов отрасли и выработала определенный подход к проведению реформы. Ее основная цель — сформировать отрасль экономики, которая будет сохранять и развивать наследие. Необходимо также, чтобы эта отрасль была востребована и нашла свое значимое место в экономике всей страны. Сохранение наследия должно стать приоритетом территориального развития.

Замминистра отметил, что на сегодняшний день «значение реставрации не расценивается настолько

высоко, чтобы быть достойным выделения в отдельную отрасль. В бюджетной классификации расходы на реставрацию учитываются по статье «прочие расходы», научно-проектная документация, ее разработка, находятся в строке «иная документация», в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД) нет раздела, посвященного реставрации», – констатировал Олег Рыжков.

Инициатива «Наследие PLUS»

По мнению заместителя министра культуры РФ, чтобы изменить ситуацию, необходимо действовать в рамках определенной стратегической программы: «Наследие PLUS» – ее условное название, и состоит она из нескольких блоков:

- Первый блок получил название «технологический». Естественные науки – физика, химия, микробиология, кибернетика – применяются в таких отраслях сохранения наследия, как археология, антропология, палеоантропология, палеонтология, история и история искусств, консервация и реставрация объектов культурного и природного наследия. Если говорить более конкретно, то речь идет о функционировании стационарных и мобильных лабораторий, производстве материалов для реставрации по оригинальным (старинным) технологиям, работа с фондами музеев.

- Следующий большой блок направлен на ориентирование строительной отрасли на работу со старыми зданиями и повышение дохода, приносимого тем или иным объектом.

«Для того чтобы привлечь инвесторов, планируется распространить действие законов «О государственно-частном партнерстве» (ГЧП) и «О концессии» на объекты культурного наследия», – считает замминистра. Это означает, что в исторический объект можно будет закладывать коммерческую функцию. Сейчас объекты культуры можно сдавать, но без изменения функции объекта. В концепции реформы речь идет о том, что в объектах культурного наследия должна размещаться та функция, которая позволяет этому объекту жить, то есть преобладает функция, приносящая доход, даже если это музей.

«Концессия и ГЧП предназначены для тех зданий, которые сейчас не используются как объекты культуры. В Европе 40% стройиндустрии – это работа со старыми зданиями. Следующий наш шаг – передача исторической недвижимости в частную собственность ответственным инвесторам, цель которых – сохранить, – поясняет свою позицию Олег Рыжков. – Наша строительная отрасль должна помимо нового строительства заниматься также массово и сохранением старых зданий. А сейчас они у них проходят по разряду «ветхий аварийный фонд», предназначенный к сносу. Мы приветствуем усилия жилищно-коммунального хозяйства, которые сейчас принимаются по капитальному ремонту старых зданий, и хотим, чтобы не только ЖКХ, но и весь строительный комплекс повернулся к старым зданиям лицом».

«При этом во главу угла ставится сохранение присущей памятнику универсальной культурной ценности», – подчеркнул замминистра культуры. В качестве примера он привел опыт британского Национального фонда (National Trust), который не получает финансирование от государства, вместе с тем имеет в управлении тысячи объектов и объединяет в своих рядах 4,5 млн участников.

- Особое внимание Олег Рыжков обратил на то, что сохранением наследия должны заниматься творческие люди. «Деятельность по сохранению наследия требует большого количества творческих людей и развития инновационных творческих навыков», – подчеркнул он.

- Также, по его словам, немаловажную роль играет популяризация сохранения культурного наследия.

«Здесь начинать надо со школы, необходимо разработать специальное учебное пособие «культурного наследия Российской Федерации» с целью последующего использования в рамках внеурочной деятельности в общеобразовательных школах», – предложил замминистра культуры, добавив, что можно было бы также разработать телевизионный проект, посвященный сохранению культурного наследия страны.

Постановление Правительства РФ о сохранении культурного наследия

Не прошла мимо внимания заместителя министра культуры и знаменательная дата в истории отечественной реставрации: 70-летие первого документа, принятого в отрасли – постановление Совета Министров РСФСР «Об охране памятников архитектуры» 1947 года.

Олег Рыжков озвучил инициативу по подготовке специального Постановления Правительства, которое стало бы подтверждением и обновлением приня-

того в 1940-е годы курса государства, направленного на сохранение культурного наследия:

«Мы предлагаем в этом году разработать и принять Постановление Правительства Российской Федерации о порядке работы по сохранению культурного наследия, идеология которого будет строиться на параллели между тем, как врачи лечат людей и как мы работаем с нашими объектами культурного наследия... В первую очередь это анамнез, это история всего того, что происходило с объектом и здесь мы предполагаем создание единого электронного архива, – пояснил замминистра. – Далее идет постановка диагноза, то есть вычленение лучших исследований, план лечения – эскизы и план производства ремонтно-реставрационных работ. Кроме того, мы хотим ввести в обиход так называемый контракт жизненного цикла, который позволяет госзаказчику переложить все проектные, строительные и эксплуатационные риски на частную сторону».

Острая нехватка специалистов

Одну из основных проблем, которую придется решать при реформировании отрасли, – нехватка специалистов.

«Катастрофически не хватает таких специалистов рабочих специальностей, как «архитектор-реставратор», «инженер-реставратор», «производитель ремонтно-реставрационных работ», а, например, «управляющий исторической недвижимостью» у нас вообще отсутствует как класс», – констатировал Олег Рыжков.

Необходимо, чтобы на исторических объектах работали исключительно люди, имеющие специальное образование. И это обязательное условие. Для этого нужно выработать традицию, сформировать, школу, «кузницу кадров», в качестве работы которых можно быть уверенными.

Замминистра предложил разработать специальную учебную программу и, основываясь на ней, ввести в рамках аттестации специалистов экзамен, состоящий из теоретической и практической частей. По его мнению, наличие такого учебного курса и экзамена позволит резко поднять число и квалификацию таких специалистов.

В объектах культурного наследия должна размещаться функция, позволяющая этому объекту жить

Реставрационная отрасль России находится в сложной ситуации

Резюмируя выступление своего заместителя, Министр культуры Российской Федерации Владимир Мединский, подчеркнул, что такие концептуальные предложения по развитию отрасли прозвучали впервые за долгое время.

«Наличие большого количества архитектурных памятников, объектов культурного наследия – это колоссальное конкурентное преимущество России, – сказал он журналистам по итогам коллегии. – Такими многообразными шедеврами архитектуры и культуры, которые мы имеем, особенно в европейской части России, пожалуй, может похвастаться только старая Европа и ряд других стран».

По его словам, сейчас почти 40 процентов девелопмента в крупных городах Европы приходится не на новое строительство, а на реставрацию, реконструкцию и вовлечение в оборот старых зданий.

«В Европе давно поняли, что этот сегмент составляет «изюминку» как с точки зрения привлечения туристов, так и создания уникальной атмосферы», – подчеркнул он.

«Реставрационная отрасль находится в сложной ситуации, которая связана со множеством факторов и которые на протяжении десятилетий ограничивают вовлечение объектов культурного наследия в хозяйственный оборот – хотя у нас десятки тысяч памятников, которые могли бы быть использованы как гостиницы, дома приемов, частные учреждения культуры и так далее», – сказал он. В то же время глава Минкультуры России заявил, что говоря о будущем отрасли, придерживается оптимистического прогноза.

«С учетом того внимания, которое государство уделяет восстановлению реставрационной отрасли и темпам реставрационных работ, мы смотрим в будущее с оптимизмом», – сказал он.

По материалам пресс-служб Министерства культуры РФ и ФГБУК АУИПИК

Воскрешение Пальмиры

9 июля на территории острова на Большом пруду Екатерининского парка Государственного музея-заповедника «Царское Село» открылась уникальная выставка по материалам экспедиции в Пальмиру специалистов Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН.

Фото из архивов АУИПИК

Пальмира, древние развалины которой представляют собой один из шести объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Сирии, находилась под контролем запрещенной в России террористической группировки «Исламское государство с средины мая 2015 года. Сирийская армия и бойцы ополчения «Соколы пустыни» при поддержке российских военных в марте 2016 года полностью освободили город от боевиков ИГ, разрушивших целый ряд древних памятников. Тем не менее благодаря усилиям российских военных в Сирии уникальный памятник мировой цивилизации удалось в основном сохранить. На фоне других потерь, которые несет человечество в результате варварской деятельности «Исламского государства», это случай беспрецедентный.

На 199-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО единогласно одобрен проект документа «Роль ЮНЕСКО в обеспечении охраны и сохранения Пальмиры и других сирийских объектов культурного наследия», внесенный на рассмотрение российской делегацией. В резолюции ЮНЕСКО говорится: «Мы выражаем свою готовность объединить силы и средства для восстановления и сохранения Пальмиры и других сирийских объектов Всемирного наследия».

Сразу после освобождения Пальмиры весной 2016 года Институт истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН) выступил с инициативой проведения аэрофотосъемки и построения на ее основе 3D-модели современного состояния древней Пальмиры: «Создание 3D-модели современного состояния древней Пальмиры является первостепенной задачей, первым шагом на пути восстановления. Модель поможет специалистам дистанционно оценить разрушения, идентифицировать грабительские раскопки и военные окопы».

С 5 по 9 июля 2016 года в Сирии находилась группа экспертов из Минкультуры РФ, Музея Востока, Эрмитажа, Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И.Э. Грабаря и Института археологии РАН для предварительной оценки разрушений, причиненных городищу древней Пальмиры, памятнику, включенному в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО.

В Заключительной части отчета группы изложены первостепенные необходимые мероприятия, главное из которых полностью совпадало с идеей специалистов ИИМК РАН: «С точки зрения традиционных для современных археологических исследований методик необходимо создание трехмерной ландшафтно-архитектурной модели памятника при помощи фотофиксации с летающих дронов-квадрокоптеров. Перспективной задачей может стать создание общей тахеометрической модели всей площади античного города, включая некрополи Пальмиры».

Для проведения аэрофотосъемки и построения на ее основе ландшафтно-архитектурной 3D-модели современного состояния древней Пальмиры с 23 по 28 сентября 2016 года в Сирию была направлена экспедиция, в состав которой вошли сотрудники ИИМК РАН, Государственного Эрмитажа и военные специалисты-топографы. Возглавила команду исследователей из Северной

Выставка будет работать до 23 июля 2017 года на острове на Большом пруду Государственного музея-заповедника «Царское Село» (Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Садовая, д. 7)

Пальмиры Наталья Соловьева – заместитель директора ИИМК РАН. Поездка была согласована с директором Эрмитажа и Министерством культуры РФ. Специальное оборудование предоставила фирма «Геоскан».

Сотрудники экспедиции проводили аэрофотосъемку, наземный осмотр и фотофиксацию памятника. Глаза археологов и сверхточные приборы зафиксировали все детали рельефа и архитектуры, чтобы в будущем любой международный специалист смог использовать материалы в работах по реставрации.

В настоящее время по материалам проведенной в сентябре 2016 года аэрофотосъемки сотрудники ИИМК РАН создают трехмерную модель Пальмиры и геоинформационную систему (ГИС) «Пальмира во времени и пространстве». Работа, в ходе которой в электронной форме будут систематизированы и описаны памятники Пальмиры, обобщены данные археологических исследований и прослежена история реставрационных работ, может быть закончена к концу 2017 года. Результат планируется безвозмездно передать правительству Сирийской Арабской Республики и ЮНЕСКО.

На сегодняшний день работа петербургских археологов вступила в завершающий этап создания трехмерной модели, и в качестве примера ее эффективности на выставке в музее-заповеднике «Царское Село» представлена копия знаменитой колонны Зенобии – также разрушенной боевиками.

Выбор объекта для воссоздания не случаен: время правления царицы Зенобии справедливо считается высшей точкой расцвета Пальмирской державы, оказавшей бесспорное влияние на культуру европейской цивилизации. Имя царицы Зенобии стало символом всего самого прекрасного, что создала античность на землях Ближнего Востока. По мнению руководителя проекта и куратора выставки Натальи Соловьевой, воссозданная на базе 3D-модели копия колонны Зенобии служит символом не только наивысшего расцвета древней Пальмиры, но и ее будущего возрождения. Историческая высота колонны, которая 8 июля была представлена на обозрение всем желающим, – 10 м, масштаб модели, вылепленной из полимеров для экпозиции, – 1:2.

На снимках, также представленных на выставке, посетители увидят Пальмиру такой, какой ее впервые, после освобождения в марте 2016 года, увидели сотрудники Международного противоминного центра ВС РФ. Тогда, рискуя жизнью, они на руках вынесли все мины и снаряды в 50-градусную жару за пределы памятника. Спустя полгода им пришлось повторить свой подвиг.

Команда сотрудников экспедиции 19 мая 2017 года была удостоена награды Русского географического общества «Хрустальный компас» в номинации «За проявление гражданской позиции». Именно она привела их в Сирийскую пустыню, чтобы протянуть руку помощи древней Пальмире через время и пространство.

Реформа давно назрела

Одним из важнейших признаков цивилизованности в XX веке стало особое отношение к памятникам культурного наследия, выразившееся в формировании правовых и этических норм его сохранения, изучения и реставрации.

Сергей Сирро,
заведующий отделом технологических исследований Государственного Русского музея

Фото любезно предоставлены Русским музеем

С развитием точных методов анализа появилась целая отрасль научного знания, именуемая в английском варианте Heritage science и пока не имеющая точного утвердившегося перевода в русской традиции (возможный перевод – «наука о культурном наследии»). Это поле комплексных исследований, находящееся на стыке гуманитарных и точных наук: истории, искусствознания, социологии и урбанистики, и в то же время – химии, физики и биологии.

В нашей стране в послевоенные годы сформировалась сильная школа научной реставрации. Сложный исторический период политических преобразований в России, конечно, затронул и эту сферу, редуцировав в определенной степени многие наработки и приостановив развитие научного сохранения культурного наследия в некоторых регионах на уровне конца 1980-х – начала 1990-х годов. Именно сейчас важно, сохраняя собственные традиции в реставрационной области, проанализировав опыт зарубежных коллег, современные возможности точных наук, сформировать стратегию развития реставрации в частности и науки о сохранении культурного наследия в целом.

Современный процесс реставрации подразумевает точечное, фактически молекулярное понимание структуры объекта. Помощниками реставраторов в этом выступают исследователи технологии памятника культурного наследия, технологи. Расскажу немного подробнее об этой области, поскольку именно этим занимается наша лаборатория.

Первые отделы технологических исследований возникли в нашей стране в 1960–1970-е годы при реставрационных мастерских, поскольку возникла необходимость в научном подходе к процессу реставрации. В тот момент технологи могли предложить реставраторам немного, в основном практические методы: черно-белое фотографирование на

пленку; черно-белую съемку видимой люминесценции, позволяющую видеть утоньшения слоя лака или его полное снятие на живописном произведении; рентгеновские снимки, позволяющие распознать подробности нижних слоев произведения или его основу. В ходе работы таких лабораторий стало понятно, что данные, которые получены при этих исследованиях, могут применяться не только для реставрации, но и для датировки (определении времени) и атрибуции (определение авторства) произведений искусства.

В 1990-е и 2000-е годы, с развитием методов аналитической химии и спектрометрии, технологи смогли предложить реставраторам совершенно новые исследовательские возможности, оптимизировавшие реставрационные процессы. Возникла возможность точно идентифицировать пигменты и связующее красочных слоев, определять состав покровных лаков и тип использованных основ.

Появление цифровой фотосъемки позволило фиксировать каждое произведение, поступающее на реставрацию. В процессе исследования и реставрации стало возможно получать качественные цветные снимки: как снимки видимой люминесценции, так и цифровые фотографии высокого разрешения в инфракрасной области спектра. Цифровая микросъемка и съемка фактуры – это возможность выявления записей, фотовизуализация утрат и реставрационных вмешательств, поиск скрытых надписей и другой полезной информации. Сейчас в научном обосновании реставрационного процесса это является обязательным этапом.

Однако и сегодня одной из проблем реставрационной отрасли является то, что возможности подобных лабораторий доступны очень узкому кругу реставраторов. Подавляющее большинство малых музеев лишены доступа к подобным исследованиям, а о новейших возможностях технологического анализа известно и вовсе немногим.

Связано это с целым рядом причин. Одна из них – слабая подготовка реставраторов в области технологии.

К сожалению, профильное образование в большинстве вузов ограничивается стандартными курсами техники и технологии художественных произведений, в основном по живописи и скульптуре, рассказывающих о базовых отличиях темперы от фрески и масляной живописи и т.д. Многие современные методы научной экспертизы и их применение в реставрации остаются неизвестными будущими реставраторам. А это, несомненно, проблема.

Когда реставраторы понимают всю сложность поставленной задачи, готовы работать с технологами, получаются самые интересные и перспективные результаты. В процессе совместной работы сразу же становится понятно состояние объекта реставрации: какова его сохранность, есть ли там авторские и поновительские слои, какого они времени. Можно получить данные о связующем материале, о пигментах живописного слоя. Располагая такой информацией, можно приступать к выбору методики реставрации. Методика меняется в зависимости от многих факторов, – например, от техники живописи (масло или темпера) или состава защитного покрытия живописных слоев (лак, воск, олифа) и т.д. Все это должно учитываться и отражаться в смете, которая выставляется на реставрацию объекта. Хорошо, когда эта цифра достаточно прозрачна, научно обоснована и легко проверяема.

Другая задача – исследование неперемещаемых объектов культурного наследия. А это подразумевает необходимость создания

специализированных реставрационных центров и мобильных лабораторий. В 1960-1970-х годах, как говорилось выше, основными видами исследований были оптические: рентгенография и черно-белая съемка в люминесценции или съемка на пленку, а потом распечатка фотографий. Применение более серьезной аппаратуры осложнялось тем, что ее использование требовало лабораторных условий и достаточно высокой квалификации обслуживающего персонала. Однако в начале 2000-х годов появились доступные портативные аналитические приборы, освоить работу на которых теперь возможно было не только выпускникам политехнических вузов. Это позволило значительно сократить штат обслуживающего персонала, использовать такую аппаратуру в музеях при исследованиях крупноформатных монументальных объектов на экспозиции, то есть вне стен лабораторий.

Все это подготовило почву для создания мобильных лабораторий. На Западе процесс создания мобильных лабораторий начался в 2000 годах и пионером в этой области стала Италия, где была организована система взаимодействия крупных научно-исследовательских центров. Этот первый общеевропейский проект имел срок реализации четыре года. Далее следовали проекты-преемники, разрабатывавшие наиболее перспективные и актуальные из выявленных проблем и имеющие срочное финаснсирование, обозримые практические цели, четкую документацию и отчетность реализации программы. В настоящее время один из наиболее интересных проектов подобного рода – программа SEAHA (Science and Engineering in Arts, Heritage and Archaeology, Великобритания), подразумевающая не только использование мобильной лаборатории, но и централизованный информационный ресурс для множества культурных институций, позволяющий как оставлять заявки на исследования объектов, так и отслеживать реализацию исследований. За время существования таких проектов были отработаны методики исследований для различных видов искусства и применяемых в них технологий, собраны уникальные материальные базы данных. В таких проектах видна совместная работа не только технологов, но и реставраторов, искусствоведов, археологов, инженеров. Важно, что это не только «скорая помощь» в области сохранения памятников культуры, но и база профессионального общения,

включающая конференции, курсы повышения квалификации для реставраторов и специалистов других специальностей. Структурообразующая триада научно-исследовательских программ в области сохранения культурного наследия включает в себя, во-первых, специализированные реставрационно-исследовательские центры при музеях или других культурных институциях; во-вторых, систему профессионального взаимодействия и обмена информацией, позволяющую в том числе обращаться за помощью в крупные научно-исследовательские центры в области физики или химии, где представлены самые современные методы и узкоспециальная аппаратура; и, наконец, мобильные лаборатории, способные выехать в короткие сроки со всем необходимым оборудованием прямо на объект и реализовать весь комплекс технологических исследований. Подобные программы также предусматривают проведение исследований перед реставрацией, в процессе реставрации объекта и контроль качества реставрации по завершении процесса.

К сожалению, по соотношению количества объектов культурного наследия, нуждающихся в реставрации, и количества специализированных исследовательских и реставрационных центров мы пока сильно уступаем нашим зарубежным коллегам. Крупные центры преимущественно расположены в Москве и Санкт-Петербурге, что для реставрационной отрасли явно недостаточно. Перевозить произведения из провинциальных музеев в Москву или Петербург зачастую невозможно, а мобильные лаборатории могли бы решить часть проблем подобного рода. Но при этом важно помнить, что мобильная лаборатория – это аналог «неотложки», и необходимы учреждения, где памятник будет отреставрирован и возвращен к жизни. Поэтому другое возможное направление реформы – создание специализированных реставрационных центров. В 2019 году в Ленинградской области, в селе Рождествено, должен открыться первый Многофункциональный музейный центр, созданный при поддержке Всемирного банка реконструкции и развития и ГБУК ЛО «Музейное агентство». Проект обещает быть масштабным: реставрационные мастерские и специальные хранилища, центр информационно-архивных ресурсов и центр повышения квалификации, отдел по созданию временных передвижных выставок. Это тоже интересный и очень своевременный путь – создавать такие центры в федеральных округах, оказывая поддержку малым музеям, реставрационным мастерским, возможно, частным, которые готовы платить за подобные исследования, консультации, высококачественную реставрацию.

Сейчас важно продумать именно систему взаимодействия культурных институций и научно-исследовательских центров в области изучения и реставрации объектов культурного наследия, включающую и общий сбор заявок на исследования и реставрацию, и общую информационную базу, и систему мобильных лабораторий. Кроме того, необходимо вносить коррективы в существующие образовательные программы в профильных ВУЗах, разрабатывать курсы повышения квалификации для реставраторов, активнее использовать зарубежный опыт.

Важно, что за последний год в нашей стране разработаны серьезные решения по преобразованию реставрационной области и проблемам сохранения культурного наследия, такие как например, стратегическая инициатива «Наследие PLUS». Это позволяет надеяться на существенные положительные сдвиги в науке о культурном наследии уже в обозримом будущем. И тогда мы точно будем знать, как по-русски назвать странную науку Heritage science.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МА
Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В.Щусева

ВЫСТАВКА

БАШЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИНГУШЕТИИ

Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В. Щусева совместно с Агентством по управлению и использованию памятников истории и культуры (АУИПИК) представляет выставку о башенных комплексах средневековой Ингушетии.

Выставка приурочена к 25-летнему юбилею Республики Ингушетия и рассказывает об уникальном историко-культурном ландшафте долины Джейрах-Ассинской долины, претендующей на включение в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Сформировавшиеся в IX–XVII веках башенные комплексы в долинах ингушских рек Ассы, Армхи и Тетрцикали представляют собой отдельные селения с жилыми, боевыми и полубоевыми башнями, а также поминальными комплексами (Эрзи, Таргим, Эгикал, Вовнушки, Фалхан, Цори и др.). В этих селениях проживали семьи в нескольких поколениях, и только в XX веке они были вынуждены переселяться в близлежащие города. Проект призван познакомить московскую публику с феноменом ингушских башен, показать самобытный опыт освоения горных пространств, раскрыть красоты Ингушетии – заповедного места и потенциального курортного центра на юге России.

Выставка объединила экспонаты из музеев Ингушетии и Москвы: макеты башенных комплексов, их архивные и современные изображения, медиаматериалы. Они расскажут об особенностях природного и культурного ландшафта Джейрах-Ассинской долины, ее истории, современном состоянии и перспективах развития.

В рамках образовательной программы проекта запланированы круглые столы о проблемах сохранения памятников Ингушетии и о вопросах включения объектов в список наследия ЮНЕСКО, лекции и кураторские экскурсии.

25 августа – 19 октября 2017 г.

Открытие – 24 августа 19:00

Внутренняя Анфилада Главного Здания

УЧАСТНИКИ ПРОЕКТА:

Министерство Культуры Российской Федерации

Министерство Культуры Республики Ингушетия

Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В. Щусева

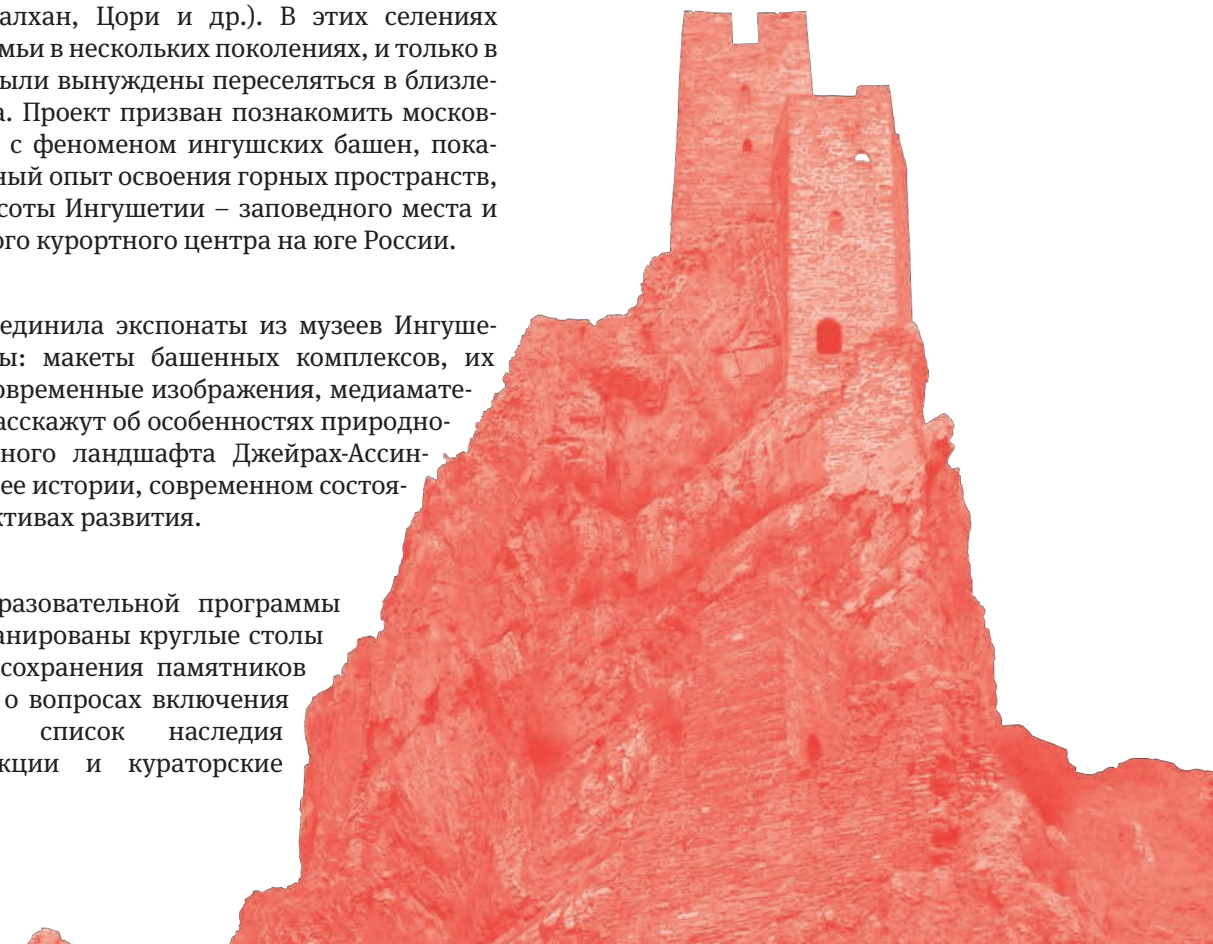
Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры (АУИПИК)

Агентство SPRQL

Агентство Eleven

Ингушский Государственный Музей Краеведения имени Тугана Мальсагова

Государственный Музей изобразительных искусств Республики Ингушетия



Промышленное наследие Москвы: стратегии ревитализации

Фабрика «Красный Октябрь» (1890-е - 1910-е) – успешный пример приспособления под медиакластер

Текст: Марина Хрусталева,
Фото: Наталья Меликова

В 2017 году Агентство стратегического развития «Центр» инициировало междисциплинарное исследование «Москва RE: промышленная», посвященное анализу типологий производственных территорий и выявлению лучших практик их редевелопмента.

Исследование строилось на объединении четырех профессиональных направлений: градостроительства, архитектуры, промышленного наследия и экономики. В авторский коллектив вошли аналитики агентства «Центр», представители архитектурного бюро «Рождественка» и НИиПИ Генплана Москвы. Я отвечала за историко-культурный пласт, связанный с промышленным наследием города.

Изначально предметом исследования были выбраны производственные и промышленные зоны, обозначенные на Генеральном плане Москвы. Внимательный анализ истории формирования 208 официально утвержденных промышленных зон позволил понять, что в большинстве случаев это совсем не те объекты, которые приходят в голову при словах «фабрики и заводы Москвы». Привычные нам краснокирпичные памятники рубежа XIX-XX веков в большинстве своем потеряли не только свою производственную функцию, но и официальный статус. Их территории за последние два десятилетия были переведены в другие категории земель, допускающие совсем другое использование. Нынешние же производственные и промышленные зоны в большинстве своем находятся далеко за пределами Третьего транспортного кольца, тяготея к окраинам города.

Газовый завод «Арма» (1865-1912) после комплексной реконструкции

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Промышленные предприятия в Москве начали появляться еще в XVIII веке в форме семейных и кустарных производств. После промышленной революции середины XIX века их количество стало расти экспоненциально. Крупные производства в первую очередь появлялись вдоль транспортных артерий: рек Москвы, Яузы, Сетуни, позже – кольца Московской окружной железной дороги. Реки позволяли не только доставлять грузы, но и вырабатывать энергию, необходимую для механизированных производств. На основе плана города Москвы, изданном товариществом Суворина в 1915 году, а также архивных источников мы определили, что к началу Первой мировой войны в Москве было около 150 крупных заводов и фабрик.

Со второй половины 1920-х годов старые фабрики начали реконструировать, появились новые предприятия. В их строительстве принимали участие известные архитекторы: Илья Голосов, Эль Лисицкий, Николай Колли. Мы выявили около пятнадцати промышленных зданий 1920–1950-х годов, имеющих архитектурную ценность. К сожалению, многие из них сегодня подвергаются радикальной реконструкции или сносу.

На Генплане Москвы 1935 года впервые было выделено около 50 промышленных зон, объединяющих отдельные производства в комплексные территории. Тем самым определялась стратегия развития города. В следующих генпланах (1971, 1989, 1999 и 2005 годов) эта работа была продолжена.

ПРОМЫШЛЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

К концу советского времени в Москве сохранилось около 80 исторических промышленных комплексов. В их число мы включили заводы, фабрики, типографии, электростанции и не включили объекты транспортной инфраструктуры: вокзалы, объекты железнодорожной инфраструктуры, трамвайные депо, троллейбусные парки, гаражи и депо конки. Этот слой транспортного наследия заслуживает отдельного исследования.

За последние 15–20 лет большинство производств было остановлено или выведено за пределы Москвы. На сегодняшний день по исходному назначению функционируют не более 10 исторических промышленных объектов, в основном электростанции и хлебозаводы. В первую очередь кризис коснулся текстильной и бумажной промышленности, в связи с нарушением поставок сырья после распада СССР. Но и другие производства – от кондитерских до металлургических – постепенно прекратили свое существование.

В отличие от Санкт-Петербурга, где с 1980-х годов над этой темой работали Маргарита Сергеевна Штиглиц и ее

Краснопресненская электростанция (1926-1928) в ожидании новой функции

коллеги, промышленное наследие Москвы изучено крайне мало. Историко-культурные исследования по отдельным территориям производились по заказу собственников или девелоперов, но практически не публиковались. До сих пор не существует единого реестра памятников промышленного наследия, нет серьезных обобщающих книг. Но растущее количество журнальных и онлайн-публикаций показывает растущий интерес к этой сфере.

В очень редких промышленных ансамблях есть отдельные здания, обладающие статусом объектов культурного наследия. Постановка памятников этого типа на охрану происходит крайне медленно и неохотно. Стоит отметить, что в Московской области ситуация обстоит еще хуже.

РЕДЕВЕЛОПМЕНТ

Процесс редевелопмента бывших промышленных территорий набирает обороты с начала 2000-х годов. Основными стратегиями девелоперов можно считать полный снос исторических объектов с масштабным новым строительством, малобюджетное приспособление и реконструкцию с сохранением наиболее ценных исторических элементов.

Исследование показало, что за последние 15 лет было снесено более 20 исторических промышленных ансамблей. В некоторых случаях после их сноса площадки пустовали более десяти лет. Большинство снесенных комплексов уступают место новой жилой застройке, реже – офисам и бизнес-центрам. Например, на так называемом Золотом острове только в прошлом году началась застройка на месте типографии фабрики Эйнем и металлического завода Листа, снесенных еще в конце 2000 года. Несколько лет пустуют площадки фабрики «Сакко и Ванцетти» на набережной Тараса Шевченко и Кружевной фабрики Флетчера на Саввинской набережной. Некоторые проекты замирают на стадии реализации, как, например, проект превращения фабричных корпусов Товарищества суконной мануфактуры «Йокиш» в апартаменты Loft Park.

В некоторых случаях застройщики оставляют один выразительный элемент – например, водонапорную башню, чтобы напомнить об индустриальном прошлом этой территории, но сносят все остальное. Иногда в новых зданиях воспроизводят краснокирпичную эстетику и пропорции, свойственные промышленной архитектуре. Но в целом снос происходит безжалостно. Выбор именно этой стратегии – полного сноса под новую застройку – к сожалению, в последние два-три года преобладает. Снос около десятка исторических ансамблей, сохранившихся до наших дней, уже согласован московскими властями.

Приспособление – это мягкий подход к объектам промышленного наследия, не предполагающий больших инвестиций и активных архитектурных интервенций. Главной ценностью приспособления становится открывание городу некогда непроницаемых территорий и включение их в активный социальный,

культурный и экономический оборот. Распространенный на западе подход Temporary Use (временное использование) предполагает постепенный подбор наиболее подходящих функций для объектов, утративших исходное назначение. Кен Берстейн, глава Отдела охраны наследия Лос-Анджелеса, предложил назвать такой подход Organic или Evolutionary Use, подразумевая, что перерождение бывших фабрик происходит естественным и наиболее органичным путем.

Через период Temporary Use прошли фабрика «Красная Роза» с первым центром ArtPlay и газовый завод АРМА с конгломератом галерей и студий, позже уступивших место серьезному редевелопменту. По пути приспособления пошли «Винзавод», «Флакон», «Красный Октябрь», новый центр ArtPlay на заводе «Манометр» и соседний «Плутон», отчасти «Кристалл» и Трехгорная мануфактура. Некоторые объекты выбирают целостную концепцию и принцип тематического отбора арендаторов (современное искусство, дизайн, образование, медиа), другие идут более спонтанным, но не менее успешным путем, как фабрика «Московский шелк». Несмотря на то что объекты из этой категории находятся на слуху и достаточно устойчивы в экономическом отношении, их количество в сегодняшней Москве не очень велико – всего около десяти.

Реконструкция – это затратные девелоперские проекты, в рамках которых исторические промышленные ансамбли проходят комплексную ревитализацию. Этот подход требует участия профессиональных архитекторов и существенных инвестиций. Как правило, наиболее ценные здания (иногда имеющие статус объектов культурного наследия) проходят через более или менее научную реставрацию. Менее ценные или поздние объекты нередко сносятся или претерпевают более радикальную реконструкцию. Интервенция современной архитектуры в ткань исторического ансамбля нередко становится эффектным художественным приемом. В результате поэтапной реконструкции промышленных исторических ансамблей создаются новые анклавы живой городской среды чрезвычайно высокого качества.

Как правило, подобная реконструкция сопровождается разработкой нового функционального наполнения комплекса, дальнейшее управление которым строится в соответствии с этой продуманной программой. Мы насчитали в Москве около 20 объектов, прошедших через полную или частичную реконструкцию, или тех, где такая реконструкция вот-вот начнется. Наиболее яркие из них – «Фабрика Станиславского» и «Большевик», возрожденные по проекту британского бюро Джона МакАслана, «Красная Роза» и «Даниловская мануфактура», бизнес-центры «ЛеФорт», «Новоспасский», типографии Левинсона и «Утро России». Один из наиболее ожидаемых проектов в стадии реализации – превращение Центральной электрической станции городского трамвая «ГЭС-2» в музей современного искусства Фонда V-A-C по проекту знаменитого итальянского архитектора Ренцо Пьяно.

Нельзя не признать, что в нескольких случаях реконструкция происходила по отношению к историческому ансамблю крайне некорректно. Так, три 38-этажных башни строятся вокруг единственного сохраненного круглого корпуса Хлебозавода имени Зотова на Грузинском Валу. Новое строительство начинается в непосредственной близости от исторических зданий Алексеевской насосной станции (завод «Водприбор»), построенных по проекту архитектора-инженера М.К. Геппенера. Эти проекты могут считаться примером недружественной интервенции, нарушающей исторический масштаб ансамбля.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Судьба целого ряда исторических промышленных ансамблей до сих пор не определена. Некоторые находятся в руках нескольких собственников, что исключает возможность их комплексной ревитализации. На некоторые разрабатывались инвестиционные предложения, включая архитектурную часть, но эти проекты по разным причинам реализованы не были. На часть объектов существуют градостроительные планы земельного участка, предполагающие снос и масштабную новую застройку.

В таком неопределенном состоянии сегодня пребывают около пятнадцати заметных исторических ансамблей, часть из них – за пределами исторического центра. Их число может пополниться за счет все еще действующих объектов, производство с которых может быть выведено уже в ближайшие годы. Именно эти объекты находятся в зоне наибольшего риска, но именно у них есть и наибольший потенциал – в случае грамотной капитализации их символического ресурса.

Проведенное исследование позволяет признать, что производственные зоны и объекты промышленного наследия – последний территориальный ресурс для решения московских городских макропроблем. При этом у города нет комплексной программы инвентаризации ценных объектов промышленного наследия и постановки их на охрану. Сегодня превалирующей стратегией по отношению к историческим промышленным территориям является полный снос, без предварительных исследований и валоризации этих объектов. Несмотря на это, очевидно, что примеры бережной реконструкции показывают эффективность такого подхода в создании качественной, разнообразной, безопасной и экономически устойчивой городской среды.

Международный культурный форум: «Сохранение культурного наследия» — 2017

Четвертый год подряд в рамках Санкт-Петербургского Международного культурного форума будет работать секция «Сохранение культурного наследия» (СКН). Одна из ключевых тем секции-2017 — «Историко-культурное конное наследие России и Европы».

28 июля 2017 года в рамках подготовки к этому мероприятию руководитель секции СКН заместитель министра культуры РФ Олег Рыжков посетил «Французскую национальную школу верховой езды, «Кадр нуар» (Le Cadre noir de Saumur) в Сомюре, Франция.

В качестве почетного гостя замминистра присутствовал на знаменательном для «Кадр нуар» событии. В этот день состоялась официальная церемония передачи в документационный центр школы ценного труда Саломона де ля Бру Le Cavalerice François («Французская кавалерия»), 1593 года издания. Этот труд является первым трактатом об основах и принципах французской щколы верховой езды, написанным на французском языке и, таким образом, считается ее официальным «Свидетельством о рождении».

Приобретение этого уникального издания 1593 года и его передача в документационный центр «Кадр нуар» стали возможными не только благодаря взносам меценатов, но также участию обычных граждан, пожелавших поддержать проект на одной из французских краудфаундинговых платформ.

Среди высоких гостей присутствовали мэр г. Сомюра Жан-Мишель Маршан, Президент Ассоциации «Друзья «Кадр нуар» Людовик де Виллель, представители местных органов самоуправления; генеральный директор Французского института лошади и верховой езды Жан Сезар, главный берейтор «Кадр нуар» Патрик Тессеренк.

Церемонии передачи бесценной книги предшествовало посещение самой школы в сопровождении заместителя главного берейтора «Кадр нуар» Доминика Сигварта, который в ноябре примет участие в Санкт-Петербургском форуме в качестве сопредседателя секции «Сохранение культурного наследия».

По завершении официальной части и обсуждения рабочих вопросов по работе секции СКН состоялась премьера нового гала-спектакля «Кадр нуар» «В сердце большого манежа», где лучшие всадники школы блестяще продемонстрировали французскую школу верховой езды, внесенную в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

В ответном обращении к гостеприимным хозяевам Олег Рыжков выразил надежду, что «традиция взаимодействия между русскими и французскими школами, прерванная сто лет назад, возобновится», и пригласил генерального директора

Французского института лошади и верховой езды Жана Сезара посетить Россию и ознакомиться с конным наследием нашей страны.

Сотрудничество с легендарной школой «Кадр нуар», наследницей и хранительницей престижных традиций французской школы верховой езды, возникло не случайно. В 2011 году благодаря тесному сотрудничеству «Кадр

© Laurent Vilbert

нуар» с министерством культуры Франции традиция французской верховой езды была успешно внесена в список мирового наследия ЮНЕСКО, с тех пор во Франции ежегодно проводится заседание специального комитета для координации данного проекта.

Для России этот опыт бесценен. Тема конного наследия для нашей страны в некотором смысле новая и неожиданная, но это условная новизна: давно забытые старые традиции русской школы верховой езды, конная культура присутствовали не только в позапрошлых веках. История XX века пронизана традициями основателя «русской школы» Джеймса Филлиса, которого прекрасно помнят за рубежом, но имя которого очень немногим о чем-то сейчас говорит. Тем не менее команда конкуристов, завоевавшая в 1912 году на международных соревнованиях в Лондоне Кубок короля Эдуарда VII (П. Родзянко, Д. Эксе и Д. Иваненко), олимпийцы И. Кизимов, И. Калита, Е. Петушкова, С. Филатов – все это продолжатели славной русской конной традиции, возродить которую еще возможно.

Российско-французское сотрудничество с юнесковским «Кадр нуар» началось с проекта реставрации и приспособления Дворцовых конюшен в Петергофе (объект находится в оперативном управлении Агентства по управлению и использованию памятников истории и культуры – АУИПИК). Сегодня оно уже переросло тот единственный совместный проект, и мероприятия, которые будут проводиться в рамках Международного культурного форума в Санкт-Петербурге примут действительно международный масштаб.

Кроме Культурного форума, не пройдет незамеченным еще одно международное мероприятие с участием специалистов мирового уровня. Во время визита в Сомюр Олег Рыжков был приглашен к участию в международной конференции «Конная архитектура: от забвения к сохранению и приспособлению», которая состоится в октябре при поддержке министерства культуры Франции и администрации города Сомюра, где ему было предложено представить проект реставрации и приспособления к современному использованию Дворцовых конюшен в Петергофе.

Пресс-служба ФГБУК АУИПИК

Справочно

VI Санкт-Петербургский культурный форум пройдет 16-18 ноября. ФГБУК АУИПИК выступает организатором секции «Сохранение культурного наследия» уже четвертый раз.

Конное наследие — одна из основных тем Секции-2017, где также будут масштабно освещены вопросы подводного и фотографического культурного наследия, промышленного наследия двух столиц, затронута проблематика сохранения русской усадьбы, влияния революции на русскую культуру и отечественную архитектуру. Непременно в программе секции будет освещена тема сохранения памятников в зонах вооруженных конфликтов, также состоится церемония вручения премии «Феникс» – за лучший осуществленный проект приспособления памятников истории и культуры к современному использованию. Особой строкой следует обозначить благотворительный концерт «Голос Наследия».

Summary

The fourth issue of our magazine "Protected by the State" is largely focused on the cultural heritage of the Republic of Ingushetia, which this year celebrates the 25th anniversary of its statehood. Ingushetia is one of the RF republics in the North Caucasus region.

NORTH CAUCASUS |18-69|

Revival of memory

The article by the treasurer of the Caucasus collection at the State Hermitage Museum in St.-Petersburg Yuri Piotrovsky touches upon the history of studying the Caucasus patrimony and its modern situation.

North Caucasus – traditions in stone

The scholarly review of the ancient North Caucasus architecture underlines the unique traits inherent in this old and solid culture.

INTERVIEW

Preserving architectural heritage enters new level

In his exclusive interview Yunus-bek Yevkurov, the head of the Republic of Ingushetia, talks about the vision of his government on the most essential heritage issues in the republic.

ANCIENT INGUSHETIA

The section embraces several articles depicting rich traditions of Ingush tangible and intangible heritage dating back to BC. The core issue here is Medieval stone-built tower complexes in Jeirakh-Assa, and the exhibition devoted to them which is due to open in Moscow. Special attention is drawn to the decorative arts and crafts of the Ingush people, as well as to their traditional family code.

STRATEGIES

"Heritage must be handled by creative people"

The article contains a report on the highly important assembly of the Russian Ministry of culture discussing the prospective reform in the field of restoration in the country. Particular attention is paid to the ministerial program named "Heritage PLUS".

"The time for reform is ripe"

Here we publish an expert view on the necessity and character of long-awaited reform in the sphere of heritage by a leading Russian researcher Sergey Sirro.

Tourism and monuments – two sides of one coin

The author dwells on one of the key aspects of efficient preservation of cultural legacy today - the way it is integrated in the tourist industry, and the principles that may be worked out in this respect.

Industrial heritage in Moscow – strategies of revitalization

A well-known Russian researcher and heritage activist Marina Khrustaleva gives her vision of various solutions that can be applied to the massive industrial heritage in the Russian capital.

UNESCO WORLD HERITAGE

Resurrecting Palmira

The article describes the initiatives of Russian restorers and historians referring to the ancient city of Palmira which now needs reviving. The exhibition showing the process and results of Russian expeditions to Palmira has opened near St.-Petersburg.

АУИПИК
АГЕНТСТВО ПО УПРАВЛЕНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

16 ноября в Санкт-Петербурге состоится торжественное вручение Премии «Феникс» – «За лучший осуществленный проект сохранения и приспособления объектов культурного наследия к современному использованию».

Премия присуждается в следующих номинациях:

- За лучший осуществленный проект приспособления ОКН под гостиницу, ресторан, клуб.
- За лучший проект приспособления загородного ОКН.
- За лучший проект приспособления ОКН под офисное помещение.
- За лучший проект музеефикации ОКН.
- За лучший осуществленный проект сохранения ландшафтной архитектуры.
- За градостроительное решение.

Организатор премии Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры (АУИПИК) при поддержке Министерства культуры Российской Федерации.

Подробная информация о проведении Конкурса, сроки подачи и окончание приема заявок на участие размещено на сайте Агентства АУИПИК

www.auipik.ru

VI САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КУЛЬТУРНЫЙ
ФОРУМ

16–18 ноября 2017 года

СЕКЦИЯ «СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ»

Санкт-Петербургского международного культурного форума 2017 г.

ГЛАВНЫЕ ТЕМЫ:

- Историко-культурное конное наследие России и Европы
- Подводное культурное наследие
- Возрождение русской усадьбы – приоритет регионального экономического развития
- Революция и Наследие

ОРГАНИЗАТОР СЕКЦИИ:

ФГБУК «АГЕНТСТВО
ПО УПРАВЛЕНИЮ И
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ»

САЙТ ФОРУМА
www.culturalforum.ru |

СТРАНИЦА ФОРУМА НА FACEBOOK
https://www.facebook.com/culturalforumspb |

СТРАНИЦА ФОРУМА ВО ВКОНТАКТЕ
https://vk.com/culturalforumspb